ПИОНЕР

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Карта гражданской войны

Каждый пионер должен знать, как боролась наша Красная армия с белогвардейцами в годы гражданской войны. Картину борьбы с врагами можно изобразить наглядно при помощи таких карт, какую мы помещаем ниже.

На карте изображена Советская Республика, окруженная со всех сторон врагами: царскими генералами, англичанами, французами, американцами, чехо-словаками, поляками и другими. Цепью изображена линия наибольшего продвижения врагов за все время гражданской войны.

Кольцо, показанное на карте, так страшно сдавившее рабочих и крестьян, к нашему счастью, не было стянуто в одно время. Линия фронтов проходила тут в разные месяцы и разные годы. На нас наступал один враг, мы его били и добивали, а в это время шел другой, били этого, шел третий. Так, перебрасываясь с фронта на фронт, мы побеждали своих врагов.

Взгляните на карту. Белые заняли Орел, Воронеж, Сталинград (тогда Царицын), Саратов, Пензу, Казань, Пермь, В. Устюг, Архангельск, Петрозаводск. Стояли под Ленинградом, под Смоленском, у Брянска. До Москвы оставалось 300 верст. Но Красная армия побеждала врагов, заставляла их бежать.

Разберем—когда же и кто наступал на Советскую страну. Первыми из указанных на карте выступили чехо-словаки в мае 1918 года. Это были войска из пленных чехов и словаков, бывших солдат австрийской армии, организованные для борьбы против немцев правительством Керенского. Они не пожелали оставаться в России при Сов. власти и поехали во Владивосток, чтоб на пароходах уехать во Францию. По дороге они восстали, подкупленные англичанами и французами.

Вторыми наступали с севера англичане, французы и др. с белогвардейцами в августе 1918 года. На Дону и Урале орудовали казаки. Туркестан и степи были отрезаны бандами басмачей и разных генералов. На Украине орудовали немцы. Но Красная армия в начале 1919 года одерживает ряд блестящих побед. Немцы после заключения мира уходят. Прогнали белых с Волги штыками. Весной 1919 г., сменивший чехословаков, адмирал Колчак повел наступление и подошел к Волге. Еще немного, и он соединился бы с северным фронтом англичан.

— Все на Урал! Все на Колчака!—зовет Советская власть. И начав в марте наступление в конце апреля Колчак отступил. Сопротивляясь почти целый год, отходили белые, а в феврале 1920 г. Колчака уже расстреляли. Осенью 1919 г. Красная армия соединилась с Туркестанскими красными частями. Осенью же 1919 года генерал Юденич наступал на Ленинград. 21-го октября его части атаковали Пулково. Судьба революционной столицы висела на волоске. Но атака была отбита. Белые получили страшный удар от ленинградских рабочих.

На южном фронте мелких генералов объединил Деникин. Большая белая армия наступала с весны 1919 года, заняла побережье Черного моря и к осени 19 года, выдвинувшись к Москве, заняв Орел, наступала на Тулу. Но Красная армия отбрасывает белых обратно на юг.

Успехи на фронтах в начале 1920 года позволили собрать силы против белых на севере, сдерживаемых от наступления небольшими силами. Только 2 месяца было нужно, чтоб очистить совершенно север от белогвардейцев и иностранцев. В апреле 1920 года началась война с Польшей, а в июне загнанные в Крым белые под командой генерала Врангеля, сменившего Деникина, снова повели наступление на Украину. Жестокие бои с поляками привели к миру в октябре 1920 года, который позволил собрать силы и победить Врангеля. После известных боев у Перекопа Крым был взят, и война закончена.

О гражданской войне читайте в книжке: «Пионерам о Красной армии» — М. Мирошникова и Я. Гиндикина.

На нашей карте вторая цепь изображает границы фронтов к 21 ноября 1920 г.

Для клуба можно сделать несколько наглядных карт, изображающих, как шаг за шагом Красная армия очищала Советскую Республику от белогвардейщины.

Хорошо сделать карту светящуюся.

Для этого нарисованную карту наклеивают на картон и набивают на рамку. С боков рамки также обивается картон, так что получается закрытая со всех сторон коробка. Внутри коробки вставляется электрическая лампочка. Линия фронтов делается прерывистой, прорезывается насквозь в картоне и обклеивается изнутри прозрачной бумагой. При освещении карты линия фронта будет изображаться светлой полоской.

Можно сделать и по другому. Сделать освещенным все пространство, занятое Красной армией, а места, занятые белогвардейцами, будут непрозрачными—темными. А на следующей карте изобразить, как расширялось светлое пятно, очищаемое красными от белогвардейщины. Фигуры белогвардейца, если не рисовать, то можно вырезывать из старого журнала и наклеивать их на карту. Можно наклеивать также и рисунки с изображением боев.

СОДЕРЖАНИЕ:

РЕДКОЛЛЕГИЯ: *А. Волков, Х. Добин, В. Зорин. Н. Крупская, Е. Теремякина.* **ОТВ. РЕДАКТОР** *Х. ДОБИН.*

Главлит № 57403. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово» Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 21.000.

ГОД ИЗДАНИЯ 3-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 м.	3 р. — к.
„ 6 „ . .	1 „ 60 „
„ 3 „ . . .	„ 85 „
„ 1 „ . . .	„ 30 „

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК РЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ

Москва, Н. площадь 6/7, Издательство „Молодая Гвардия"

№ 4 ФЕВРАЛЬ 1926 г.

Н. Булатов

ДАВАЙТЕ СТРОИТЬ ПЛОЩАДКИ!

Захожу как-то к ребятам в клуб—на видном месте лозунг висит, яркими буквами написанный:

Солнце, воздух и вода—
Наши лучшие друзья.

Оглянулся,—комната небольшая, а ребят битком набито. Во что-то играют, не то возятся,—не поймешь. Теснота. Толкутся все как на рынке. Ребят много, а разойтись негде. Разгоряченные усиленно вдыхают испорченный воздух и пыль. Вот так, думаю, и „физкультура". Повесили лозунг да и успокоились. Говорят о физкультуре, а по существу работы-то и нет. Одна видимость только. Мы, мол, тоже занимаемся физкультурой.

Спрашиваю ребят:

— Что же вы сидите в такой духоте? Занимались бы на улице или на лыжах походили, на коньках покатались.

— Были мы на улице, да замерзли—говорят ребята. Одеженка плохая у многих.

— А лыж и коньков у всех нет. Есть кое у кого.

— Вот придет лето, тогда в комнату не зазовешь.

Весна приближается. Надо готовиться к лету, обдумать, как строить летнюю работу.

Эх, скорее бы сходил снег, наступило тепло, обсохла б земля и покрылась травой!

Ребята уже говорят о лагерях, экскурсиях, об играх на открытом воздухе. А всем ли придется ехать в лагеря? Далеко не всем. Сколько ребят останутся на все лето в городе! А если и поедут в лагеря, так не надолго. На какой нибудь месяц. Немногим придется прожить все лето за городом, среди природы.

Ну, а как же быть тем, кто не поедет в лагеря? Как воспользоваться свежим воздухом ранней весной до от'езда в лагерь? Ведь, не будешь же все время сидеть в помещении. Обо всем этом надо серьезно подумать, чтоб лето не застало врасплох. Летом только и поправить свое здоровье, накопить сил. Но для того, чтобы можно было где поиграть на свежем воздухе, побегать, надо место. Нужна площадка для летней работы. Не на пыльной же улице быть или на грязном дворе. А ведь сколько ребят проводят так целое лето.

Устраивая площадку, пионеры должны позаботиться не только о себе, а и о других детях.

И не так просто все это устроить, как кажется сначала. Можно площадку организовать и при школе, при отряде или клубе. Надо, чтобы она недалеко была, чтобы всем было близко ходить. Надо теперь же заранее подыскать подходящее место для площадки, где бы не было пыли, где было бы много солнца, были бы деревья, чтоб можно было укрыться в тени.

Площадка должна быть действительно местом оздоровления ребят.

Придется теперь же сговориться с органами Здравоохранения и Народного Образования о совместной работе по организации площадки. А коммунальное хозяйство должно закрепить площадку за той или иной организацией.

Потом надо будет подумать о приведении площадки в порядок. Мусор убрать, может быть, загородить забором придется, если площадка не загорожена, скамейки надо сделать, навес устроить, где укрыться от дождя, деревья и кусты насадить ранней весной, огород устроить, цветник.

При выборе места для площадки надо подумать о воде. Она нужна для поливки и для питья. Есть-ли водопровод, далеко-ли придется таскать воду? Хорошо бы и душ устроить на площадке и солярий для солнечных ванн. Нужен будет и врачебный надзор. Надо сговориться с врачем, надо приобрести аптеку. Придется позаботиться об игральных принадлежностях и о том, где их хранить. Для работы нужны будут лопаты, метлы, грабли, лейки. Если есть возможность, надо устроить радио, провести электричество.

Обо всем надо заранее подумать, кое-что можно и теперь в своих мастерских заготовить еще до наступления лета. Можно сделать некоторые игральные принадлежности, сделать мячи, сшить трусики, приготовить материал к оборудованию.

Заранее надо обсудить, как и чем заниматься на площадке, как организовать там летние занятия, как вовлечь в работу неорганизованных в отряды ребят. Придут на площадку и малыши. Как с ними быть? Старшие ребята будут проводить игры. А умеют они это делать? Одно дело знать игру, а другое—уметь провести игру с 20—30 ребятами.

Так вот, давайте теперь же строить площадку. Дело это важное и нужное, и заранее к нему надо быть готовым.

Лев Гумилевский

Рис. худ. И. Дубасова

ЧЕРНЫЙ ЯР

Роман

(Продолжение)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЯСНЕЕ ДНЯ — ТЕМНЕЕ НОЧИ

АДИЛ с мужиками черноярский учитель — Сергей Семенович Бокастов. Как и многие наши деревенские учителя, он мало чем отличался по внешности от крестьян. Одевался он по-крестьянски, носил усы и бороду, имел крестьянское хозяйство, с весны правил сам все полевые работы. Но хозяйство вел не по-мужицкому: не верил он, как все черноярцы, что краденые семена лучше родятся; что в новолуние сеять — червь поест; что рожь надо сеять, когда комары появятся. Не веря крестьянским, часто обманчивым, приметам, сеял он ячмень, не дожидаясь, пока зацветет можжевельник, и бывал с урожаем. Крестьяне все знали твердо, что «дома погоды не угадаешь» — Бокастов же повесил у себя в комнате барометр и справлялся о погоде по нему. Не выкидывал он во время грозы помела в окно, чтобы града не было, и не зарывал в пашню костей от с'еденного на пасху ягненка, чтобы градом не выбило. И, конечно, уже не валял попа по ниве, чтобы был хлеб повальней, но делал по-своему: пар парил рано, пахал и сеял во-время, с осени землю унаваживал и любил повторять:

— Глубже пахать — больше хлеба жевать! Добудь дедовского навоза — будут снопы валиться с воза!

И маленькое хозяйство его давало ему не меньше крестьянского большого.

Иногда вечерами, после тяжелой полевой работы, сбирались мужики возле учительскаго крыльца, рассаживались на ступеньках, вертели цыгарки, задумчиво ими дымили и слушали мерную, мечтательную речь Бокастова:

— В чужих странах, — рассказывал он, — хорошо крестьяне живут, лучше нашего. Теперь у нас стали задумываться, как хозяйство вести по научному опыту, а за границею давно уж ученые люди показывают, что и когда сеять, на какой земле какой хлеб лучше родится...

— Без дождя не обойдешься! — ворчали мужики

Учитель усмехался:

— Наука всего достигнуть может! И были уже опыты такие, что пробовали в тучи из пушек стрелять и тогда тучи разражались дождем!

Мужики не очень учителю верили, но продолжали к нему ходить, зимою же чтения его с туманными картинками посещали, глядя на его хозяйство, иногда перенимали то, что было уже испробовано и верно. Сергей Семенович принимал всех ласково, в советах не отказывал, иногда же и сам вмешивался в крестьянские дела. Надо заметить, что вреда от того мужикам не было, но пользу видели часто.

Когда Егорка пришел в школу, учитель сидел на крыльце, штопал конскую сбрую. Он поклонился Егорке вежливо, но как-будто бы смутился и чуть-чуть вздрогнул. Егорка вывернулся из-за крыльца неожиданно и, решив, что напугал учителя, извинился.

— Напугал я вас, Сергей Семенович! Уж простите — дело такое, что я бегом бежал к вам!

Учитель оправился, отложил работу.

— Ничего, задумался я за работой. А тебя я давно жду: учиться что ли хочешь? Давно пора! Осенью приходи — запишу!

— Осенью приду! — строго сказал Егорка, — как отслужу, получу деньги — одеженку справлю и сапоги. Наймусь батрачить к кому-нибудь и учиться буду! Мне отец только и говорил — вот учиться скоро будешь, вот учиться...

Голос у Егорки дрогнул слезами и тоской. Учитель втянул голову в плечи, с'ежился и растерянно погладил Егоркину руку:

— Ну, ну... Приходи, учиться будешь. Может быть, мы тебя в училище сторожем устроим на зиму... Не бойся друг, не бойся...

Егорка кивнул головой, сказал — «вот, хорошо-то бы мне!» — но тут же отмахнулся от новых забот:

— Сейчас не в том дело, Сергей Семенович, тут другая история!

Учитель усмехнулся и еще ласковее пожал его руку:

— Ах, ты насчет Софрона что ли?

Егорка вздрогнул от неожиданности:

— Неужто вы уже знаете?

— Как не знать, спасибо, Егор, тебе! Ты в отца пошел, — сказал учитель, ласково поглядывая на мальчика, — отец твой хороший был человек.

Учитель, задумавшись, помолчал, потом прибавил:

— Побольше бы таких людей в деревню, — давно бы по новому жизнь пошла. Не было бы Дорониных у нас! Да и бабушку Ненилу не слушали бы мужики! А Софрона ты хорошо предупредил! Так и надо!

Бокастов привстал и посмотрел теплыми усмешливыми глазами на мальчика:

— Побольше бы таких ребят, как ты! Переделали бы мы деревню враз! Стариков в покое оставить, а молодежь к себе перетянуть!

Учитель задумчиво, посмотрел через выгон на тесовые, позеленевшие от старости крыши черноярских изб и задумался.

Егорка удивленно и взволнованно спросил:

— Да кто же разболтал?

— Не знаю. Должно быть, Ульяна. Моя сторожиха дружна с нею очень. А что молчать? Думаешь Доронин за тебя возьмется? Не думаю я — скорее всего со стыда сгорит и к നениле гадать ходить не будет!

Учитель улыбнулся:

— Разве, вот, Ненила порчу на тебя нашлет за то, что ты доходы у ней губишь? Ну, авось, не

Учитель сидел на крыльце, штопал конскую сбрую.

испортит! Учиться тебе надо, Егор! В газеты писать будешь! Молодец! Зимою возьмемся за это.

Егорка махнул рукою.

— Только я не за этим сейчас пришел, Сергей Семенович!

Учитель насторожился:

— А за чем же? Новости какие есть?

— Ой, есть!— вздохнул пастух, — ой, есть! Да, может, и вы уже слышали?..

— Сплетни все бабьи. Не слушаю я их, да и тебе не надо. Мало ли что болтают.

— Нет, это уж не болтают, а совсем, как правда.

— Что же это такое? — усмехнулся учитель.

Егорка оглянулся кругом, наклонился к лохматой учителевой голове, сказал тихо:

— Отец мой явился!

— Кто-о-о? — отшатнулся учитель, — кто?

— Отец мой!

— Жив?!

Учитель впился в Егоркину руку и потянул к себе.

На побледневшем лице Сергея Семеновича Бокастова черная борода и усы выделились ярко, как приклеенные.

— Жив твой отец?

— Нет, — ответил Егорка, боязливо освобождая свою руку,—нет. Не знаю я. Чугунов говорил, потом Софрон тоже говорит, что видели его.

— Где?

— То в городе, то на пожарище у нас, у стены этой самой. Только ведь привидений не бывает, Сергей Семенович!

Бокастов отодвинулся от мальчика, вздохнул несколько раз широко и гудко. Тогда ярчайший румянец облил вдруг его лицо.

— Напугал ты меня. Расскажи толком, в чем дело!

Егорка рассказал. Учитель покачал головою:

— Отца твоего расстреляли, всем это известно, и никакого сомненья тут нет. Говорили мне — учитель задумчиво покачал головой,—что был где-то в Сибири такой случай, что расстрелянный человек ночью пришел в себя и дополз до деревни... Так, ведь, это тогда же и было! Если бы был жив отец твой, так неужто за три года известия о нем не было бы? Ведь казаки всех схоронили тогда их!

Мальчик опустил голову. Бокастов продолжал тихо, как-будто уговаривая не только его, но и самого себя не верить этому:

— Знаем мы также, что покойники не встают из могил, и привидений не бывает. Одни бабы в это и верят только! Что же там случилось? По-моему только одно и могло быть, что Софрону почудилось! А о Чугунове и говорить нечего— он в городе выпил, наверное: показалось ему! Говорил же он, что орел больше барана был! И нечего тут голову ломать— пустое все!

Егорка слушал, кивая головой, потом сказал:

— А если жулики там?

— Это вот другое дело! Там место удобное!

— Может быть, облаву бы сделать?

— Доронин сам перепугается, пожалуй! Да и народ не пойдет — побоятся после Софроновской сказки! Темнота у нас, Егор!

— Так, ведь, они из стада таскать будут!

— Да, верно!

Учитель молчал долго.

— Вот что, наконец, сказал он, — ничего тут другого не придумать, как пойти нам с тобой! Если Софрона они не тронули, не тронут и нас, а пугать могут, сколько им вздумается! Я возьму мешок, будто бы собирать зашел—вот и все! Хочешь пойти?

Егорка сверкнул глазами:

— Один хотел было итти, а с вами и вовсе!

— Ну, пошли прямо туда!

— Ну и пойдем, сейчас же сходим!

Он забрал свою работу и ушел, затем через минуту вернулся с заплатанным мешком на плечах.

— Пойдем! Жалко, что ружье мое у Софрона ночует сегодня. А к нему лучше не заходить!

— Пойдемте так! — поддержал его Егорка, вспоминая, как вчера не пустила его Аксютка, — они нас не пустят, хоть силой!

— Ну, пошли прямо туда!

Школа стояла на выгоне, в стороне от села на случай пожара. В сумерках, по росной дороге итти было легко и приятно. Обойдя деревню стороною, чтобы сократить путь к пожарищу, учитель засмеялся, кивнув на тесовые поволжские избы со створчатыми окошками:

— О чем только слухи не ходят у нас по деревне!Про орла ты историю слышал?

— Знаю и слыхал, как Чугунов рассказывал!

— Ну, вот: вышло же очень просто, а сплетня ходит,—иконы на ворота навешали, чтобы на случай царского нашествия за своих считали! А уж в Сорочьей Крепости и царь вчера об'явился — приезжал оттуда мужик сегодня, рассказывал:

— Царь был? — изумился Егорка, — в Сорочьей Крепости?

— Вот рассказывал мужик! Не знаю, что там было, а только гляди, что потом окажется, что...

Егорка всплеснул руками:

— Сергей Семенович, да ведь это наш Семик, стало быть, там был!

— Семик, думаешь? На него похоже!

— Да он это—я знаю!

— Действительно, что его второй день не видно нигде! От него станет! Только, говорят, там не по-нашему приняли: поговорить—поговорили, а очень не почли... Неужели Семик!

— Да он меня с собой звал?

Бокастов развел руками и засмеялся.

— Ну что с нашим народом делать? Когда им толкуешь, что надо навоз в поле возить — смеются. Начнешь с их приметами спорить, про настоящее хозяйство рассказывать — не верят! А чепуху сболтнуть — все верят! Что это такое?

— Жить у нас в избах скучно очень, оттого всякой сказки хочется! — тихонько ответил Егорка, вспоминая, о чем думал он ночами и как пел в поле, — оттого и верится всему!

Учитель оглянулся на мальчика: его поразил этот детский ум, угадывавший правду. Егорка же начал рассказывать о Семике, о Нениле с веселым смехом, разгонявшим вокруг него тени черноярских призраков.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЦАРСКОЕ ЖИТЬЕ

В Сорочьей Крепости, маленькой рыбацкой деревеньке, лежавшей по Волге верст на десять ниже Черного Яра, Семик действительно об'явился царем.

Пришел он туда на другой день вечером. Распушив усы, разгладив на груди кресты и медали, миновал он околицу и пошел к крайней избе. У избы на дровах сидели крестьяне, глядели в поле и поджидали странника. Хозяин избы посмотрел на него из-под ладони, сказал:

— Ну, вот, подает господь еще прохожего! Чужой какой-то! И к нашей избе норовит, окаянный. Непременно сюда чорт их несет. Говорил отцу: на кой, леший, ты с краю строишься.

— Не лайся!—ответил отец, древний и ветхий старик, — с края лучше жить и от пожара и насчет странного человека хорошо! Странный человек все расскажет, что на свете делается!

— На то газеты есть! — оборвал сын.

— За газету платить надо, а странник сам доход приносит!

— И жеребцов тоже сводит!

— Нет, это верно старик говорит! — поддержал отца рыжий мужик, — у нас

Да, ребята, я царь-государь Николай Романов.

Парень вернулся из деревни, запыхавшись, сказал, что идут. За ним точно пришли двое — Алеха и Родионыч. Хозяин подмигнул им обоим, сказал Родионычу:

— Ну, садись,—смотри, да снимай очки: жарко, чай? Алеха допроси-ка его!

Алеха взглянул на Семика, спросил коротко:

— Откудова?

— Из-за синих морей, из-за дальних краев...— начал было Семик, но Алеха сшиб с него шапку и оборвал сурово:

— Дурака не валяй! Паспорт есть?

Семик вскочил на ноги. Расправив медали, он дернул ус свой по-военному и крикнул, точно командуя:

— Не узнаешь, братец?

Алеха опешил.

— Не признаю.

— Какого полка, спрашиваю?

— Двести второго, чебоксарского! ответил тот.

на Зеленом Клину старуха так одного приютила, а он ночью помирать стал и перед смертью ей клад открыл.

— Гляди-ка и этот не с кладом ли прет?—сказал молодой крестьянин, - котомка за плечами!

Пересмехнулись мужики и замолчали. Семик подошел к ним, поклонился низко и сказал смирно:

— Мир вашему сиденью!

— Садись и ты гостем будешь!—буркнул хозяин.

Семик снял сумку с плеч, присел на краешке бревна, огляделся и кивнул головой.

— Спасибо за слово доброе! И то сяду,—вздохнул.—Ножки мои болят с непривычки. То кареты были, а то вот с подожком бреду. Про орла слыхали?— добавил он неожиданно,—в городе орел на церковь сел!

— Слыхали,—усмехнулись мужики,— поновее чего нет ли? Откуда ты сам-то?

— Из далекого далека путь свой держу, а путь мой лежит за синие моря, за высокие горы, куда птице не долететь и зверю не добежать!

— Да кто ты такой?

— А кто я такой—того знать никому не надобно!

— Так!—усмехнулся хозяин и переглянулся с другими,—чудной что-то человек!

— Не дизиртер ли?—догадался старик.

— Дизиртер крестов на себя не напялил бы!—сурово отрезал тот,—а вот на конокрада похож!

Семик сделал вид, что не слышит и стал говорить еще загадочнее:

— Болят мои ноженьки, и нет мне ни приюту, ни воли, ни отдыху! Обманули народ мой богоданный люди бессовестные...

Хозяин встал, шепнул парню:

— Дойди-ка, Петра, скричи Алеху— солдата! Он дошлый человек, сейчас дознается! Да Родионыча прихвати — в очках ходит, грамотей!

Парень встал.

— Скажи,—провожая его, говорил тот,—скажи, дескать есть, человек пришлый, глядит вредно и разговор чудной. Куда его деть? Бить прямо или сначала в холодную?

Семик сидел молча, делал вид, что не слышит.

— И отрекся я, — всхлипнул он вдруг, - от народа моего богоданного, от золота—серебра, на котором пил—ел, от пуховиков моих, на которых спал! Заковали меня в кандалы железные, да нашлись слуги верные...

— Ты не дурачок ли?—спросил старик ласково.

— Звали меня Николаем, величали Александровичем, самодержцем всея Руси...

— Шимашедчий!- свистнул хозяин, - верно!

— Впрямь шимашедчий!—согласился рыжий мужик,—дурак, как есть. А я думал, хоть про коммунию что скажет! Эй, прохожий!—крикнул он на Семика,— ты тут в Ключевском поле не был? Слышно, что туда трактор привезли. Не видал, ходит он, или нет еще?

— Не видал!

— То-то и есть, что чего надо, вы все не видите, а вот коней в конюшнях и сквозь стены примечаете! Прохожий тоже!

Семик чуть не прыгнул от радости— того ему только и нужно было. Он прищурился, сказал сухо:

— Как же это ты, братец мой, верховного своего главнокомандующего признать не можешь? А еще в Питере я вам смотр учинил на самого Флора и Лавра, помнишь? Еще дождичек шел, еще дивизионный ваш как мне салютовал, шашкой серой кобыле своей шею чиркнул до крови, помнишь? Еще замест чарки водки велел я вам по серебряному целковому дать, помнишь? Целковый мой получил, братец?

Алеха попятился от Семика, разглядывая его, потом хлопнул себя по лбу ладонью и вдруг расхохотался так, что мужики вскочили с места.

— Ты что, Алеша?

— Как что, товарищи, как что? Да ведь это он, в самом деле он!

— Кто он?

— Как кто? Он—Николай Романов, царь—государь в отставке собственноручно!

— Тьфу!—плюнул старик,—а я думал, уж не Коршунов ли Васька из плену вернулся!

Покачал головой и хозяин:

— Вот так прохожий!

— Я и говорю шимашедчий! ворчал старик, а похож, ей, право, похож! Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Сидевшая у окна избы старуха с чулком отозвалась ворчливо:

— Что меня приплел, охальник?

— Не тебя. Вишь ты—царь, ведь, это? Глухая!

— Еще бы-ты в колокола ударил!

— В колокола не в колокола, радоваться тут нечему, а все таки царь!

Семик глядел на мужиков и сказал, торжествуя:

— Да, ребята, я царь-государь Николай Романов!

Алеха спросил с любопытством:

— Так ты что же, из-под стражи убег, значит?

— Убег!

— Вон что! А мы думали, что тебе капут давно положен. А ты схоронился, стало быть?

— Схоронился!

— Откупился, чай? Так. Зря тебе бриллиянты оставили. Все отобрать надо было. Куда же теперь лыжи навострил?

Семик вздохнул и ответил с важностью:

— К брательнику моему двоюродному, королю аглицкому путь держу!

— Ну, что ж и то дело! Он хоть и без радости, а, чай, примет все-таки, на прокорм возьмет. Ты, ведь, ему родня?

— Родня.

— Пока сам не полетит этак же—тебя покормит!

— На нет и суда нет! — отозвался Родионыч, полетит сам—вместе будут. Веселее будет!

Мужики помолчали, разглядывая Семика. Алеха спросил сочувственно:

— Ремесла никакого не знаешь?

— Не знаю!

— Плохо! Голодовать придется! У нас вот барин был, князь тоже. Тот от безделья бывало все с лошадьми возился. Так теперь конюхом на заводе. Хорошо живет. А от капиталу у тебя ничего не осталось?

— Ничего!

Алеха покачал головой сочувствуя. Родионыч встал:

— Оторвали меня от ужина – пойду. Лапша стынет. Прощайте пока.

Он пошел домой. Проходя мимо Семика, сказал сурово:

— Ну чего стоишь столбом? Чай, не короноваться тут будешь! Ступай с богом, куда шел.

Семик постоял, помолчал, потом спросил тихо:

— Так как же, православные? Царем вы меня признали...

— А что тебя не признать? — добродушно ответил Алеха,—конечно, кабы раньше пришел, так тебе бы башку свернули враз. А теперь что же? Теперь амнистия, теперь тебе ничего не сделаем—ступай!

— Куда же мне итти? Ночь на дворе!

— У нас тут не постоялый двор! – оборвал его хозяин, там за деревней овраг, а через него мост — хошь, ночуй там. Там много таких ночует.

— Так я пойду, значит! — помялся Семик.

— Знамо, иди! — одобрил Алеха, — а то еще и на власть налетишь!

Пойду, значит, в края дальние...

— Да, ведь, карет твоих нет, а телеги наши для тебя не подмазаны! Только и остается, что пешком.

Мужики расхохотались. Старуха высунулась из окна:

— Полно вам, охальники! А ты подька сюда!—поманила она Семика и, когда тот подошел, спросила: — ты что же теперь, побираешься что ли?

— Побираюсь, бабушка!

— И кусками?

— Чем подадут, бабушка.

— Ну, вишь ты! – вздохнула старуха, так тогда и от нас прими христа ради!

Она подала кусок хлеба. Семик принял хлеб, пожевал его растерянно. Мужики, посмеиваясь, расходились. Семик начал надевать сумку на спину.

— Шариком отсюда катись! — посоветовал хозяин, дожидаясь, когда он уйдет.

С улицы вдруг ввалились парни с гармоникой.

— Где тут царь? Который государь?

Семик приосанился, выступил вперед. Парень с гармоникой присмотрелся, сказал:

— Он! Ну, точь-в точь. Он!

— Погоди, – вступился другой, — я ему сейчас испытание сделаю.

Он достал из кармана бутылку самогону, налил стакан и подал Семику:

— Пей!

Семик расправил усы, опрокинул стакан в рот и проглотил без передышки. Парни только ахнули:

— Молодец!

— Здорово!

— Правильно — он! — сказал парень, пряча бутылку, никто, кроме его, водки так жрать не может!

— Благодарствую! – сказал Семик, — наливай еще, братец!

Парень усмехнулся и вырвал у него стакан.

— Ну, это ты врешь! Нам с тобой компанию не водить – ты нас всех перепьешь.

Гармоника взвизгнула, парни ушли с хохотом.

Хозяин погрозил Семику огромным кулаком. Тот всхлипнул и пошел прочь от деревни.

Ночевал он под мостом и во сне разводил руками, жалуясь:

— Что же это братцы? Царем признали, не спорили, а уваженья всего на один стакан?

Утром чуть свет загромыхали по мосту телеги. Семик вскочил, сорвал кресты с груди и швырнул их со злостью об землю.

— А верно!—подумал он, выходя из-под моста, а верно, пожалуй, что по нонешним временам в подручных у кузнеца житье куда лучше царского!

Повздыхавши, позавтракал он поданным куском черного хлеба и тихонько побрел назад.

(*Продолжение следует*).

ЧТО ЧИТАТЬ

СЕРГЕЙ АУСЛЕНДЕР—«**Много впереди**» повесть, 150 стр. цена 45 коп. «**Дни боевые**»—повесть, 171 стр. цена 70 коп. «**За волю народную**» — историческая повесть в 4-х частях, 363 стр. цена 1 р. 50 коп.

Государственное Издательство.

В годы гражданской войны все ребята вашего возраста, да и вы, теперешние пионеры, сами мечтали о том, как бы попасть на фронт драться с белыми и совершать геройские подвиги. Удавалось это мало кому, и вот о пареньке который поехал вслед за своим отцом на польский фронт и с которым случилось много различных приключений, рассказывает повесть «**Много впереди**». Герой повести Колька Ступин— самый обыкновенный мальчик, и тем интересней читать о том, что могло случиться с каждым из вас.

Следующая повесть—«**Дни боевые**»—говорит тоже о гражданской войне. Красные войска покидают город. Запуганные контрреволюционеры вылезают из своих нор, из подвалов, где они прятались от бомбардировки. В дальнейшем в повести говорится о сыне рабочего партизана Ваньке Картузове. Он ненавидит белых, убивших в тюрьме его мать.

Дальше бегство Ваньки из тюрьмы и полное опасностей существование. Повесть очень интересно и живо написана.

Третья из повестей С. Ауслендера, которую мы вам советуем прочитать, «**За волю народную**» —большая историческая повесть в 4-х частях. Начало повести переносит нас в мрачную эпоху крепостного права, когда жестокие помещики на смерть запарывали крестьян. С падением крепостного права, которое освободило крестьян от... земли, начинаются крестьянские бунты, крестьяне жгут помещичьи усадьбы и именья, начинается широкое развитие революционного движения.

Тогдашние революционеры-народовольцы, думая, что все зло в одном царе, устраивали покушение за покушением на царя Александра II, пока одно из них, 1 марта 1881 г., не удалось. Наряду с этим народовольцы ходили «в народ», учили и лечили темных и забитых в то время крестьян и пропагандировали революционные идеи.

В повести живо и верно описаны все обстоятельства подвигов, вошедших в историю, как дела беспримерной храбрости и самоотверженности революционеров-народовольцев. Всей жизни такой революционерки с детства и до ужасной смерти—захватывающе рассказывает повесть, которую всем ребятам нужно прочитать.

Во всех трех книжках много иллюстраций художников П. Алякринского, С. Герасимова и В. Милашевского.

Сергей Ауслендер — *Рис. худ. Б. Покровского*

Пугачёнок

(*Окончание*)

ндрейка нагнулся раз над отдушиной и только хотел кликнуть Любу, как крепкая рука схватила его за шиворот, встряхнула, и голос сердитый раздался:

— Ты что здесь, постреленок поганый, делаешь?

Держал Андрейку за шиворот приказчик Дмитрий, так крепко ухватил, что голову повернуть невозможно.

Бился Андрейка в сильных руках, потом понял, что бесполезно, тупо покорился своей участи.

Невдалеке на дорожке стоял в заячьем полушубочке, на трость опираясь, сам барин Евграф Семенович, смотрел в Андрейкину сторону и улыбался ехидно:

— Кого это захватил, Дмитрий? — спрашивал барин, посмеиваясь.

Как затравленного зайца подхватил приказчик Андрейку, поволок к барину, сунул в сугроб и сказал:

— Любкин брат это. Селезнева Егора сын, вся порода их—собачья.

Больно ткнул Андрейку ногой, но еще больнее резнули слова об отце запоротом, о сестре, света не взвидел Андрейка, память потерял, дернулся, вырвался из крепкой руки, а когда приказчик опять схватил его, Андрейка ощерился и тяпнул зубами Дмитрия за палец.

Тот взвыл от боли, повалил в снег, бил кулаками и ногами, кричал:

— Волченок проклятый, всю их породу извести нужно!

Мелким смешком смеялся барин.

— Волченок, правда твоя, волченок здорово тебя хватил, ай-да волченок! — от смеха задохнулся даже, потом прибавил:

— А мы его в клеточку, волченка, пусть не кусается, в клеточку! Посади его к сестрице его Любаше, вдвоем не так скучно им будет! А, может, и она строптивость свою сбавит, покорнее станет? Волоки, волоки, да смотри, не искусал бы тебя!

Барин весь трясся даже от веселости и удачной своей выдумки, тростью помахивал, покрикивал:

— Волоки его, собачьего сынка, волоки!

Андрейка больше не сопротивлялся, понял, что все кончено.

Звякнул тяжелый, железный замок, пахнуло сыростью и духотой подземной.

Сильно толкнул его приказчик, крикнул:

— Вот вам гостя нового, Любка, принимай братца! Скоро всем вам конец будет!

Только когда обняли его ласковые руки, услышал знакомый голос, очнулся Андрейка, огляделся в тусклом полумраке сырого подвала.

Со всех сторон обступили Андрейку не то люди, не то тени, осматривали, ощупывали, охали:

— Эх, волю нам обещал, а сам к нам в подвал попал.

— Последние, видно, времена пришли, ребят—и то не милуют.

— Ироды окаянные, захлебнуться бы им в нашей крови и слезах!

Долго так причитали над Андрейкой, только Люба молчала, тихо гладила по волосам и лицу, будто утешить хотела.

Поздним вечером пришел с фонариком приказчик Дмитрий, несколько слуг принесли за ним воды в кадушке и черствого хлеба.

Издевался Дмитрий, громко смеялся:

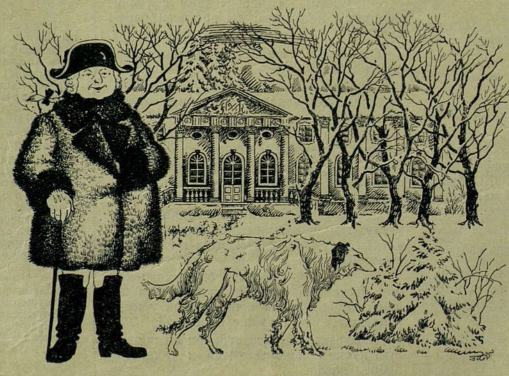
— Недолго вам, арестанты, ждать! На завтра назначил барин разбор всех дел и суд скорый. Останетесь довольны, никого не забудет своей милостью. А с тобой Любка, змеиное отродье, особливый расчет будет. Если непокорность свою не оставишь, сначала с Андрейкой-волченком на твоих глазах справимся здорово, а потом и до тебя черед дойдет!

Посмеялся угрожающе и ушел.

Плакали в темноте, охали, стонали, предчувствовали неизбежный конец, а Любка Андрейку к себе ближе прижала, дрожала вся и молчала. Кажется во всю ночь и не заснул никто, хотя и притулились в темноте каждый в своем углу, только крысы, обнаглев, с писком у самых ног бегали.

Бесконечной ночь показалась, а когда замутнел в отдушинах рассвет, еще страшнее становилось, ведь, несет им этот свет не волю, а, может быть, конец страшный в муках.

Но прошло утро, тревожно прислушивались

На дорожке стоял в заячьем полушубочке, на трость опираясь, сам барин Евграф Семенович.

узники, не скрипнет ли лестница, не загремят ли замки, — все тихо было, будто забыли про них.

И ждать больше сил не хватало, уж лучше бы скорей конец самый страшный, только скорый.

— Убивал бы, да скорей, как кошка с мышью играет, — говорили со вздохом.

Ни воды, ни хлеба не приносили, хотя по расчетам далеко за полдень время ушло.

— Может, задумал голодной смертью замучить?

А когда, наконец, заслышались шаги по лестнице, взвизгнул замок, притаились все в темных углах, сжались, замерли, к концу страшному приготовились.

Блеснули огни фонарей, громко крикнул кто-то.

— Эй, люди добрые, выходите скорей на волю!

Никто сразу не поверил, не понял, пришлось два и три раза крикнуть.

Не было видно приказчика Дмитрия и его верных псарей, были здесь мужики из деревни и новые какие то в лохматых шапках. Звучали голоса их взволнованно и радостно, а понять из слов сбивчивых ничего нельзя было.

Первый Андрейка понял, взвизгнул пронзительно.

— Царь, видно, пожаловал!

— Он самый, освободить вас всех велел, к себе кличет.

Бросились все к выходу, как обезумевшие, на узкой лесенке затолкались, по скользким ступенькам спотыкались, от света дневного ослепли, от воздуха голова пошла кругом.

По всему двору черно от народа, ржут кони, бахает на деревне набат, бегают ребятишки, причитают бабы. Валит народ прямо на широкое барское крыльцо с колоннами, к которому прежде и подходить то близко боялись.

Андрейка Любку крепко за руку держит, как маленькую, за собой на крыльцо барского дома тащит.

Так за народом протиснулись в широкие сени по коридору и в сумрачный огромный господский зал.

Мужики робко оглядывались на золоченые люстры, на портреты генералов по стенам и лезли в залу. Андрейка протиснулся вперед.

В зале мужики смелели, громко смеялись, щупали шелк мебели, приглядывались ко всему.

— Ну, вот и дожили!

— Пожаловали в гости к барину незванно—непрошено!

— Погостим теперь всласть!

— Батюшка-то царь не выходил еще, в кабинете с генералами дела решает.

Все взоры тянулись к белой двери, около которой неподвижно, будто заснув, стоял казак-часовой.

Андрейка, вытягивая за руку Любку, пролез к самой двери.

Часовой вдруг шевельнулся, крепкие шаги за дверью раздались.

Как ветер полетел по залу.

— Батюшка, батюшка идет, жалует!

Все задвигались к двери, налегая и давя друг друга.

Дверь распахнулась на обе половинки. Пугачев шел, тяжело ступая впереди своих генералов. Он был в том же полушубке и бараньей шапке, только красная лента через плечо говорила об его великом звании.

Толпа как то охнула и слегка отступила, многие попадали на колени, бабы взвыли.

— Здравствуйте, детушки! — негромко, сипловато промолвил Пугачев, веселым, зорким взглядом оглядев всех. — Здравствуйте, детушки! Давно собирался к вам, да руки не доходили. Был у меня посол ваш с вестями хорошими. Да где же он?

Пугачев огляделся, не узнавая, видно, Андрейки. Чьи то услужливые руки подтолкнули Андрейку совсем близко, опять тот же родной мужичий запах Андрейка почуял.

Пугачев посмотрел на него пристально, узнал, кивнул слегка головой и, положив тяжелую руку на плечо, продолжал говорить народу:

— Перво-на-перво суд буду держать над злодеями и супостатами вашими и моими. Привести их сюда!

Он махнул рукой, и из другой двери казаки вывели барина Евграфа Семеновича, приказчика Дмитрия, барскую экономку из немок Августу Ивановну, трех псарей, самых лютых, и попа, всегда сторону барскую державшего.

— Помилуй, батюшка-царь, ваше величество, помилуй!

Толпа с гулом раздвинулась, и их вывели на самую середину залы, поставили против Пугачева.

Андрейка глаз не мог оторвать от своих лютых врагов.

Не улыбался, как всегда, барин Евграф Семенович ехидной своей улыбочкой, был бледен и жалок. Такими же и другие его сподручники смотрели.

— Эх,—презрительно усмехнулся Пугачев, — мразь то какая! Не стыдно ли, что такая падаль над вами куражилась? Одним пальцем сковырнуть их можно бы! Ну, что же теперь с ними делать будем?

Толпа молчала, будто застыдились все и заробели.

Вдруг жалобно взвизгнул барин Евграф Семенович:

— Помилуй, батюшка-царь, ваше величество, помилуй!—взмахнул руками, упал на колени и полез скорчившись к Пугачеву, а за ним и все его приспешники: и приказчик, и поп, и экономка, и псари.

Лезли, руки протягивали, жалобно вопили:

— Помилуй, верные слуги тебе будем, жизни только не нарушай, помилуй!

Серый столб дыма вырвался из под темной крыши

— Ладно,—перекричал их грозно Пугачев,—заверещали,—а вы то миловали, и вы то слезам верили?

Нагнулся к Андрейке, в глаза прямо заглянул, дыхнул в лицо, спросил:

— Али помиловать? Ну-ка, решай!

Кружилась у Андрейки голова, противны и жалки ему были корчившиеся под ногами злые враги его, и темный, тошный страх захлестнул, когда подумал, что через минуту с ними будет, но выпрямился, головой покрутил и тихо, но явственно произнес:

— Нельзя миловать!

— Так-то! — промолвил Пугачев и в глазах его загорелся блеск грозный.— Вон и он говорит, нельзя миловать. А вы что скажете?—обратился к толпе. Загалдели мужики, размахивали руками:

— Не миловали нас псы!

— Собаке собачья смерть!

А барин уже больше не просил, не плакал, лицо руками закрывал, лежал на полу ничком. Пугачев махнул рукой.

— Ну растабарывать некогда! Пантюша, веди их да кончай скорей!

Молодой рыжий казак скомандовал другим казакам и, подпихивая, повели осужденных из залы.

Народ с галдежем повалил за ними.

Пугачев вышел вслед за народом на высокое барское крыльцо.

Андрейка отстал от Пугачева, итти туда, куда с криками и посвистом толпа волокла осужденных, ему не хотелось.

Два старика тихо меж собой переговаривались.

— На царя то не шибко он похож. Нашей кости, мужицкой!

Андрейка глянул наверх на крыльцо, где Пугачев широкоплечий, чернобородый, по мужицки широко размахивая руками, говорил что то своим генералам, весело белыми зубами поблескивая.

— Нет, на царя не похож! Оно и лучше, пожалуй! — опять шопотком прошелестел старик.

Только покончив с барином и его сподручниками, народ повалил к крыльцу, ждали новых распоряжений.

Пугачев громко высморкался и заговорил:

— Жалую вам, детушки, все барское добро! Вашим же потом наживалось—вам и пойдет. Мужчинам и парням в полки итти мои, старикам и бабам в обоз! В путь этой ночью снаряжаться. Еще не сломили врага, не добили змея поганого, придется еще повоевать!

Толпа заорала восторженно и дико.

Казаки разводили костры, седлали лошадей, песни завели, а около дома веселая игра началась, волокли из дверей, выкидывали из окон мебель, узлы, портреты в золотых рамах.

Андрейка смотрел на все, будто сон страшный и радостный видел.

Опять в темноте громкий, повелительный голос Пугачева прогремел:

— В путь готовиться, дом палить!

— Палить, палить,—понеслось в толпе. Вытаскивали из костров головешки, закидывали в окна и на крышу, солому со скотного тащили; лошади ржали тревожно.

Серый столб дыма вырвался из под темной крыши, глаза застилал, искры посыпались огневым дождем, народ с веселым визгом шарахнулся.

Андрейка вспомнил, что потерял в толкучке Любку, не видел еще деда Парфена, забеспокоился, выбежал из ограды, побежал по узкой дороге к деревне.

С гиком нагнали его конные.

Впереди на серой дюжей кобыле скакал царь, пригнулся, узнал Андрейку, крикнул на ходу:

— ...., прихватите парнишку, он нам пригодится.

Кто-то крепко вздернул Андрейку за шиворот и посадил перед собой на седло.

— Ну, скачем с нами, Пугаченок,— сказал чей-то насмешливый голос.

Лошади перешли в галоп.

Рис. худ. В. Сутеева

Б. Юрцев. Загвоздил!!!

пьеса-шарж*) в 5-ти карт.

(*Продолжение*)

(Идет занавес. На сцене класс во время занятий. Человек 10 учеников. Идет урок географии. За маленьким столиком сидит преподаватель. На стене висит карта).

Преподаватель:

— Алексаша Промакашкин, идите к карте и покажите мне где находится Болгария.

Алексаша:

— Я, товарищ Николай Васильевич, и без карты могу вам это сказать

Преподаватель:

— Что? Без карты? Это интересно. Где же?

Алексаша:

— Болгария, товарищ, находится в стране жесточайшего террора угнетенного пролетариата...

Преподаватель:

— Тэк-с... Допустим... Ну, так расскажите нам что нибудь о климате в Африке...

Алексаша:

— Африка относится к Востоку, а поэтому климат там ужасный. Зверское угнетение порабощенных народностей кровожадными милитаричными захватчиками. Но, товарищи, и в Африку начинает продувать революционный вихрь революции. Угнетенные и порабощенные народности поднимают свою мозолистую восточную руку над головой империалистических поработителей. И скоро, скоро, дорогие товарищи, революционный Восток сбросит со своих рук чадру, закрывающую его революционное лицо. Приветствую от лица многомилли...

Преподаватель:

— Довольно, довольно, Промакашкин! Хватит! Сию минуту подите вон из класса! Вы мне мешаете вести урок!

Алексаша:

— Что? Уйти? Я мешаю? Ага! Вы боитесь пролетарской правды! Ага!.. Вот они где гнилые интеллигентские замашки! Вот они где буржуазные предрассудки! Хорошо. Я уйду, но я заклеймлю вас позором в мировом масштабе! Позор! Позор! Позор!!! (Гаснет свет).

(В темноте начинает раздаваться голос Вожатого: «Левой, левой, ать, два, три! Кто там шагает правой?» Голоса ребят: «Левой! Левой!» Голос вожатого: «Ать, два, три! Ать, два, три! Ногу!» Голоса пионеров: «Раз, два, три четыре, левой, левой!» «Старый барабанщик, старый барабанщик» и т. д. После «барабанщика» команда вожатого: «Отряд (грохот шагов) стоп»!. «Шаг на месте»!. В темноте слышится топот, сопровождаемый треском барабана и неистовым ревом горна, словно на сцене находится стадо слонов. Дается свет. На сцене встрепанные, всклокоченные ребята месят шаг на месте. Дело происходит в комнате отряда).

Вожатый:

— Отря-ааааааад...

(Усиленный топот).

Вожатый:

— Стоп!.. (Трахнув правой ногой, ребята замирают).

Вожатый:

— Молодцы ребята! Верст пятьдесят мы нонче отмаршировали. Только ты, Ревякина, мало активности проявляешь. Все идут, как люди, а ты чего-то семенишь, как болонка бесхвостая.

Пионерка:

— У меня, Миша, ноги не хватают. Ребята раз шагнут, а мне два раза прыгать приходится.

Вожатый:

— Это у тебя в ногах несознательность. Мы ее сейчас уничтожим. Пупыркин, походи с Ревякиной в ногу.

(Длинноногий Пупыркин становится рядом с малюсенькой Ревякиной. Вожатый командует: «Шагом арш». Пупыркин трехаршинными шагами начинает маршировать поперек сцены, а девочка вскачь подпрыгивает за ним, стараясь попасть ему в ногу).

Вожатый:

— Маня, Манька! Шире шаг! Ать, два! Ать, два!

Пионерка:

(Задыхаясь). Миша, не могу. Живот больно.

Вожатый:

— Не разговаривать! Ать, два! Ать два! Шире шаг!

(Пионерка визжит, хватается за живот, присаживается).

Пионерка:

— Ай, ай, живот, больно!

Вожатый:

— Что такое? Что за недисциплинированность!

Пионерка:

— Ой, больше не могу! Кишки болят! Ой-ей-ей-ей!

Вожатый:

— Не можешь? Позор! В самую ответственную минуту ты изменяешь рабочему делу!

Пионерка:

— Ой, Миша, не могу. Не я изменяю. Живот изменяет.

Вожатый:

— Ладно, так и запишем твою несознательность. Иди домой.

Пионерка:

— Не могу я итти-то...

Вожатый:

— Пупыркин и Кляксин, вынесите ее. Товарищи, мы должны заклеймить несознательность Ревякиной.

(Пупыркин и Кляксин выносят пионерку. Вбегает Алексаша).

Алексаша:

(Возбужденный и возмущенный). Миша, Миша! Нашу школу надо заклеймить позором!

Вожатый:

— За что?

Алексаша:

— Ты понимаешь, учитель географии, этот гнилой предрассудок, не велел мне являться в школу. Незачем вам, говорит, ходить, если вы заместо занятий какие-то представления устраиваете.

Вожатый:

— Постой, постой, какие представления?

Алексаша:

— Да, видишь, я старался использовать каждую секунду для нашего дела и все ответы, что там меня спрашивали, говорил не просто, а как будто приветствия произносил...

Вожатый:

— Молодец! Ну, а за что же тебе не велели ходить-то?..

Алексаша:

— Да за это самое и не велел, сопля буржуазная. Ты понимаешь, он мои репетиции представлениями назвал.

Вожатый:

— Ах, он... Ну, а ты что же?..

Алексаша:

— Ну, а я и говорю ему: «Ты, мол, кишка, набитая буржуазными предрассудками. Колбаса из предрассудков».

Вожатый:

— Молодец! Ну, а он?..

Алексаша:

— А он и говорит—«уходите и больше не приходите!»

Вожатый:

— Ясно. Интеллигенция. Ну, ладно. Мы этим после займемся, Алексаша, а сейчас (рявкает) будь готов!!!!!!

(Алексаша, не ожидавши такого оборота, вытаращивает глаза и молчит).

Вожатый:

— Ага! Попал! Что я говорил? Забыл? Во сне даже должен отвечать! За поведение в школе занесем на

Ать, два! Шире шаг!

Угнетенные народности поднимают свою восточную руку!

красную доску, а за такую неготовность,— к гусиному шагу приготовьсь! Ребята, считай. Шагом-арш!

(Алексаша сгибает коленки и начинает вышагивать «гусиным шагом». Ребята с удовольствием считают: «Раз, два, раз, два).

Вожатый:

— Довольно! Вот ребята, так все будут наказываться, кто во-время не будет готов. Мы должны добиться того, чтобы... Будьте готовы!!!!! (Ребята, растерявшись, молчат).

Вожатый:

— Ага! Все попали! Отряд, к гусиному шагу,—приготовьсь! Сами считать. Шагом-арш!

(Все ребята, громко отсчитывая «ать, два» скрючиваются и начинают маршировать. В это время на сцену вбегает Алексашина мать. Все ребята от неожиданности замирают в скрюченных позах. Также останавливается при виде этой картины и Алексашина мать).

Вожатый:

(Прерывая общее молчание): Гражданка, прошу не отрывать нас от занятий. Вам что нужно?

Мать:

(Оправляясь от первого впечатления): Кто у вас здесь старший-то?

Вожатый:

— Вам, верно, надо вожатого, так я буду он самый.

Мать:

— Во-во, вас то мне и надо. Я пришла попросить вас, нельзя ли полегче гонять моего парнишку по камням-то. Подметок не наготовишься.

Вожатый:

— Никак нельзя, гражданка, долг перед революцией заставляет нас, гражданка, не щадить не только подметок, а даже самих себя.

Мать:

— Да где же, батюшка, подметок-то наготовиться?....

Вожатый:

— Гражданка, прошу нам не мешать. Вы, гражданка, вашу несознательность оставьте. Мы общественную функцию выполняем, а вы тут с подметками лезете. Для нас, гражданка, революция дороже подметок.

Мать:

— Да у меня-то, ведь, не обувная лавка. Подумать только: я ему, сопляку, на прошлой неделе подметки подкинула, а они у него опять уж вдребезги. Тут никакого жалованья не хватит. У меня, небось, один работник-то, а их трое... Вам хорошо над ребятами-то измываться...

Алексаша:

(Перебивая): Мама, не оскорбляй вожатого. Ты за это большой урон потерпеть можешь. Ты мама, ничего не знаешь, и тебе не понять всей активности нашего вожатого,—это раз. А потом я тебе сейчас не сопливец и перед лицом отряда ты меня такими словами не обзывай — это два, а потом не показывай на виду свою несознательность. Что ты: намедни с лапшой ко мне приставала, а теперь к вожатому с подметками лезешь.

Вожатый:

— Повторяю, гражданка, для нас революция дороже всякой лапши и всех подметок. Не мешайте нам выполнять нашу боевую задачу...

Мать:

— Тьфу! Да они все с ума посходили (Алексаше). А ты, каторжный, приди домой, тебе отец, всыпет по первое число.

Алексаша:

— Ладно, ладно... (Мать уходит).

Вожатый:

— Товарищи! Не смущайтесь такой несознательностью Алексашиной матери. Старый быт и мещанство заели ее, но мы поведем с этим борьбу после с'езда дантистов. А сейчас, не теряя времени, давайте репетировать поднесение знамя дантистам. Я буду за главного дантиста стоять – вон там; Петька и Нюрка будут мне подносить знамя, а остальные кричите изо всех сил «ура». Приготовьтесь!

(Вожатый отходит на край авансцены, пионер и пионерка берут знамя).

Вожатый:

— Начали! Несите! Ура!!!

(Пионер и пионерка волокут ему отрядное знамя, а остальные ребята, взяв салют, орут «ура». Проделав один раз, вожатый отдает распоряжение поднести ему знамя еще раз. В самый разгар «поднесения» в комнату бомбой врывается мать Ревякиной, расталкивая по дороге ребят, несется к вожатому).

Мать:

— Что же это вы, очумелые, девчонку-то мне искалечили!?! Да я на вас жаловаться буду! Да я вас к суду привлеку!

Вожатый:

— Что такое? Гражданка, не кирпичитесь! Что такое? Расскажите по порядку.

Мать:

— Вы мне Маньку искалечили! Маленькую девчонку шагать двадцать верст заставили. Ребята ее чуть живую домой приволокли...

Вожатый:

— Аааа...—Это вы про Маньку Ревякину? Гражданка, я не виноват, что у нее в ногах несознательность такая.

Мать:

— Что? Несознательность в ногах? У тебя в голове большая несознательность! У девчонки все кишки вывернулись. Орет не своим голосом.

Вожатый:

— Гражданка, не волнуйтесь! Больше выдержки! Никакое дело без жертв не делается. А если у вашей дочки кишки вывернулись, то мы ее, как пострадав-

Заклеймлю позором в мировом масштабе!

шую на революционном посту в красную доску занесем...

Мать:

По голове тебя этой доской грохнуть бы надо! Большой, а ума нет... Тьфу! (плюет в вожатого и вылетает со сцены)!

Вожатый:

(Вытираясь): Вот так клюква! Эх,— и отсталый народ. Ну, ничего, ребята, пострадать за общее дело будьте готовы!

Пионеры:

— Всегда готовы!

Вожатый:

— Быстро по росту становись! Подравняйсь! Шаг на месте! Ать, два, ать, два! Стой! Направо! Шагом—арш!

(С ревом горна, барабанным и хоровым отсчитыванием шага, ребята покидают сцену. Занавес опускается. Пауза секунд 10—15, после чего из-за занавеса, с разных концов, выходят вожатый и Алексаша. Сходятся на середине Отдают друг другу салют).

Вожатый:

— Ну, Алексаша, наконец наступил этот долгожданный день. Сегодня мы пустим пыль в глаза. Все отряды полопаются от зависти. Только ты не подведи.

Алексаша:

— Миша, за меня не беспокойся. Меня даже мать ругает, что я никому спать не даю по ночам—во сне дантистов приветствую.

Вожатый:

—Ладно, Алексаша, на тебя я надеюсь. После с‘езда, в первую кампанию за твою геройскую активность в комсомол передвину.

Алексаша:

— Ладно, я не подгажу.

Вожатый:

— Да, вот что, Алексаша, сегодня нам подсунули еще одно приветствие, — придется тебе выступить...

Алексаша:

— Где?

Вожатый:

— Митинг «Руки прочь от Китая».

Алексаша:

— Ну, насчет Китая-то я два раза выступал, это я звякну, что надо.

Вожатый:

— Ну—идет. А теперь, айда—отряд собирать.

(Уходят. Идет занавес. На сцене в глубине стоит стол. За столом сидит президиум, человека четыре в «роговых» очках [1]). Около стола что-то вроде трибуны. Несколько человек публики. Их посадить так, как будто они—передние ряды аудитории, а остальная публика предполагается за кулисами и в зрительном зале. На сцену с треском входят пионеры. Алексаши нет. Отряд встает перед столом президиума. Вожатый кричит: «Будьте готовы», ребята отвечают: «Всегда готовы». После этого поднимается председатель:

Председатель:

— Слово для приветствия от пионеров предоставляется пионеру, тов. Промакашкину. Товарищ Промакашкин, пожалуйте на трибуну.

(Среди отряда растерянность. Вожатый кидается на авансцену. Из конца зрительного зала раздается «сейчас» по залу бежит Алексаша. Взбирается на сцену).

Вожатый:

(Оттаскивая Алексашу в сторону): Алексашка, чуть не зарезал!

Алексаша:

— Домой забежал.

Вожатый:

— Ну, иди, говори.

Председатель:

— Товарищ Промакашкин, пожалуйста, на трибуну.

... Зубы до основания вместе с челюстями

Алексаша:

— Ага. Ну,—бегу.

(Алексаша бежит на трибуну, становится в позу и начинает речь).

Алексаша:

— Дарр-агие товарищи! От лица многомиллионной пионерии приветствую ваш с‘езд. Мы все, вся многомиллионная пионерия, долго ждали этой секунды, чтобы выразить наши восторги вашей героической работе, которую вы выполняете, и мы с твердой уверенностью можем сказать, что вы рука об ногу пойдете с нашим героическим рабочим классом по пути поднятия своей производительности. Мы, ваша смена, даем вам обещание изучить ваше героическое производство и вместе с вами клянемся, что через год—два ваша отрасль промышленности перегонит довоенный уровень. Мы обещаем, что к десятой годовщине Октябрьской революции у нас в Союзе не останется ни одного человека, у которого вашими героическими усилиями не были бы вырваны до основаняи все зубы. Мы обещаем поднять технику вашего производства и будем драть зубы вместе с челюстями. Да здравствует III Коммунистический Интернационал. Да здравствует с‘езд дантистов!

(На последние слова Алексаши в «публике» и в президиуме поднимается паника. Кто-то кричит: «он сумасшедший», «скорую помощь» и т. д. Все вскакивают с мест. Председатель ожесточенно звонит. Алексаша одеревенело смотрит с трибуны, потом соскакивает с нее, бежит на авансцену. За ним со звонком бежит председатель, ловит его и схватывает за шиворот).

Председатель:

— Что ты наделал? Ты весь митинг сорвал.

Алексаша:

— Сейчас, товарищ председатель! Миша, а кого здесь приветствовать, китайцев или дантистов.

Вожатый:

— Я сам не знаю, мы тоже к началу опоздали. Только я думаю это дантисты. Китайцы, ведь, с косами и без очков.

Алексаша:

— Миша, еще вопрос: чего эти дантисты делают-то?

Вожатый:

— Зубы рвут.

Алексаша:

— У кого?

Вожатый:

— У людей [2]).

Алексаша:

— Как сорвал? Почему сорвал?

Председатель:

— Ты кого приветствовал-то?

Алексаша:

— Как кого? Дантистов.

Председатель:

— Дубина! Что же ты не видел, кто сидит-то?

Алексаша:

— Кто?

Председатель:

— Да ведь это же представители— «Руки прочь от Китая».

Алексаша:

— Как? Китайцы?!!

(Председатель плюет. Алексаша обалдело смотрит в зрительный зал. Большая пауза).

Алексаша:

— Вот—поприветствовал!.. Это— загвоздил!

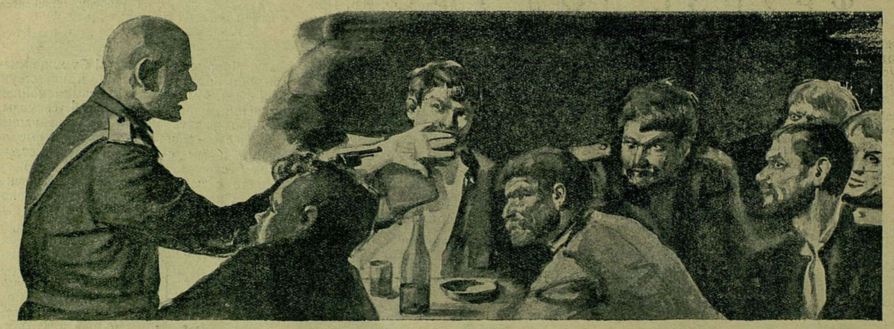
(Занавес).

---

[1]) Выпилить из фанеры или сделать из толстой проволоки.

[2]) Весь этот разговор надо вести очень быстро.

Герои Красной Армии

М. Барсуков

Д-довольно ломать комедию!.. Я—К-котовский!

Котовский—„атаман бандитов“

Григорий Иванович Котовский, один из славнейших командиров нашей Красной армии, совершал чудеса храбрости со своей „бригадой Котовского“. Тов. Котовский был любим рабочими и крестьянами Украины и в особенности Молдавии, где его преследовало царское правительство за революционную работу

Одним из самых удивительных подвигов Котовского был разгром антоновских банд в Тамбовской губ. в 1921 г.

Борьба была долгая и упорная. В течение трех с половиной месяцев — с апреля по июль—бригада Котовского имела свыше полутораста стычек с бандитами. Главные силы Антонова были ликвидированы. Остались только в бассейне реки Воронеж мелкие банды. Но еще здравствовал сильнейший сподвижник Антонова — Матюхин, у которого было четыреста пятьдесят сабель, т.-е. почти столько же, сколько у Котовского. Ликвидировать матюхинскую банду никак не удавалось.

Котовский пошел тогда на хитрость.

Через бандитскую милицию, во главе которой стоял брат Ивана Матюхина—Михаил, Котовский устанавливает связь с матюхинской бандой.

С Михаилом Матюхиным Котовский устраивает встречу в лесу и представляется ему, как командир кубано-донского повстанческого отряда войсковой старшина Фролов.

Матюхин написал Котовскому, что он хочет встретиться с самим атаманом Фроловым.

Недолго думая, Котовский оседлал своего «Орлика» и поехал к Матюхину с двумя товарищами, отвозившими письмо в лагерь бандитов.

Едут... Вдруг из темноты показывается группа всадников в 50 человек... Эта группа сопровождает Котовского дальше, и, наконец, под'езжает к небольшой кучке бандитских командиров и «политического состава». Впереди группы — здоровый рослый мужчина, упорным взглядом встречающий Котовского.

Котовский под'езжает прямо к Матюхину, крепко жмет его руку и упрекает в том, что они теряют время на пустые разговоры. Матюхин зорко смотрит Котовскому в лицо и так же жадно, как и все, слушает его слова.

Котовский резко поворачивает лошадь и приглашает всех следовать за собой.

Раздается команда:

— Справа по три — шагом марш.

Впереди едут трое — в центре Котовский, слева от него Матюхин. На боку у Котовского висит маузер, застегнутый наглухо, в правом кармане наган, на взводе которого лежит его палец.

Банда втягивается в село, в ту его часть, которая расположена в лесу.

Конники Котовского расположены в лесу так, чтобы в удобный момент можно было целиком уничтожить матюхинскую банду. Этому уничтожению должно предшествовать совместное заседание штабов—«полковника Фролова» и Матюхина.

Заседание происходит в избе.

В избе — пир. Самогон, жирные—не по времени — щи, баранина, жареные куры — загромождают стол. В большой избе двадцать матюхинцев и восемь котовцев. Председательствует Гарри—один из сподвижников Котовского, ныне работник Коминтерна.

Керосиновая лампа горит на столе желтым огнем. Время проходит в жарком говоре, в проклятиях и в клятвах верности бандитским «лозунгам». У котовцев уговор — в удобную минуту перестрелять Матюхина и его сподвижников. Котовский внушил своим:

— Пока я не застрелю этого мерзавца М-матюхина, н-никто не смеет стрелять!

На заседании обожженными самогоном глотками говорят жаркие речи.

Матюхин бьет кулаком по столу:

— Эх, жалко, братва, что у нас нет представителя Махно.

В ответ на это заявление Котовский смело заявляет:

— Ч-чудак... Вот же его ад'ютант.

И Гарри начинает вдохновенно врать о том, как он служил верой и правдой Махно и как они расправлялись с красными «собаками».

В тот момент, когда новые блюда жаркого подают на стол, Гарри вызывают из хаты. Оказывается, что один из котовцев проговорился на конюшне. Присутствовавших при этом антоновцев котовцы тут же задушили и зарыли в сено. Но—был крик. Минута тревожная.

Гарри передал Котовскому о происшествии.

— П-предоставь после Матюхина с-слово мне,—говорит Котовский.

Матюхин же в этот момент стучит по столу кулаком и злобно рычит о том, что уничтожит «кровожадную коммунию». Бандиты слушают его с пропавшим дыханием. Матюхин кричит далее, что сегодня же он начнет наступать против красных.

Когда Матюхин кончил, Гарри — громко возглашает:

— Заключительное слово имеет атаман Григорий Иванович Фролов.

Котовский поднимается и вместе с ним встают его командиры и комиссары. Поднимаются и бандиты. У всех руки на рукоятках револьверов и сабель. Котовский вынутым из кармана наганом стучит об стол, и вдруг направляет дуло нагана на Матюхина:

— Д-довольно ломать комедию!.. Н-никакой я не Фролов... Я — К-котовский!

Матюхин в ужасе запрокидывает назад голову и закрывает обеими руками бледное лицо.

Котовский нажимает спуск, курок щелкает, и новый, недавно выданный наган дает осечку. Курок щелкает еще раз — осечка. Три осечки дает наган. Котовский отпрыгивает к стене и начинает отстегивать свой маузер.

В избе все застыли от ужаса. Гарри тушит лампу. В избе гремит беспорядочная стрельба, от которой лопаются стекла. Крики и стоны. Один бандит залез под стол и выстрелом из винтовки ранил в плечо Котовского. Несмотря на боль, Котовский все же не теряет почина действий. Через минуту все бандиты расстреляны.

Стрельба в избе послужила сигналом для действий котовцев, расположенных в селе. В течение одного часа матюхинская банда была уничтожена.

Когда все успокоилось и Котовскому пришли перевязать рану, от которой он едва держался на ногах, он, вытянув здоровую руку, отвел врача.

— С-сначала Никитину,—сказал Котовский, указывая на раненного товарища.

Дм. Фурманов

ФРУНЗЕ ПОД УФОЙ

В весенние месяцы девятнадцатого года черной тучей повис над Волгой Колчак. Мы сдали Уфу, Белебей, Бугуруслан — в панике красные части россыпью катились на Волжские берега. У Бузулука, под Самарой, у Кинеля взад и вперед метались эшелоны, мялись на месте разбитые, упавшие духом полки.

Казалось—ничто уж не может теперь вдунуть дух живой в эти войска, потерявшие веру в себя.

Передовые раз'езды Колчака рыскали в сорока верстах от Бузулука, выщупывали Поволжье, шарили наши части. Близились дни развязки.

Накругло сутки в кабинете Фрунзе, в оперативном отделе, в штабе наших войск—кипела страстная работа.

Гнали на фронт артиллерийские резервы, гнали ящики патронов, винтовки, пулеметы, динамит, гнали продовольствие хозяйственным частям: тыл в эти дни фронту служил, как никогда.

У Фрунзе в кабинете совещания, Фрунзе в штабе диктует приказы, Фрунзе в бессонные ночи никнет над прямыми проводами.

Он в те дни провел работу, которую еще не узнала и не оценила история: это он ночи насквозь корпел над вздорными сводками фронта, вылавливал оттуда крупицы правды, отметал ложь, из этого многоценного сырья отжимал самое нужное, из отжатого строил свои планы, из планов свивал грозную сеть, в которую должен был попасть Колчак. Кипел неугомонной, пламенной работой штаб.

Крепко сжат был для удара по Колчаку чугунный кулак Красной армии.

И вот настали последние дни: Фрунзе повел полки в наступление...

Уже за нами Бугуруслан, за нами Белебей, Чишма — мы выходим на берег бурной Белой, перед нами высоко по горе раскинулась красавица Уфа. Вот он, ключ к сибирским просторам, вот он город, который открывает широкую дорогу новым победам:

— Уфа должна быть во что бы то ни стало взята!

Вечером, в Красном Яру совещание всех командиров-комиссаров из стянутых к берегу частей. На совещании Фрунзе.

— Ну, ребята, разговорам конец, час пришел решительному делу!

И ночью, в напряженной, сердитой тишине, погрузили первую роту иваново-вознесенских ткачей...

Здесь, по берегу, всю команду вел Чапаев,—командовать полками за рекой услал Чапаев любимого комбрига, Ивана Кутякова. За ивановцами вслед должны были плыть пугачевцы, разинцы, Домашкинский полк...

Переправляли Пугачевский полк—он берегом шел по реке, огибал крутой дугой неприятельский фланг. Иваново-вознесенцы стремительно, без останову гнали перед собою вражью цепь и ворвались с налету в побережный поселок Новые Турбаслы. И здесь стали, — безоглядно зарваться вглубь было опасно. Чапаев быстро стягивал полки на том берегу. Уж переправили и четыре громады-броневика — запыхтели тяжко, зарычали, грузно поползли они вверх,—гигантские стальные черепахи. Но в зыбких колеях, в рыхлом песке побережья сразу три кувыркнулись,—лежали бессильные, вздернув вверх чугунные лапы. Отброшенный вверх неприятель пришел в себя, осмотрелся зорко, оправился, повернул к реке сомкнутые батальоны и — сверкая штыками, дрожа пулеметами — пошел в наступление. Было семь утра.

В четырехчасовом бою иваново-вознесенцы расстреляли запас патронов, новых не было, с берега свозили туго: пароходики грузили туши броневиков, артиллерию, перекидывали другие полки.

Иван Кутяков отдал приказ:

— Ни шагу назад. Помнить бойцам: надеяться не на что—сзади река, в резерве только... штык!

И когда неприятель упорно повел полки вперед, когда зарыдали Турбаслы от пулеметной дроби, — не выдержали цепи, сдали, попятились назад. Скачут с фланга на фланг на взмыленных конях командиры-комиссары, гневно и хрипло мечут команду:

— Ни шагу... Ни шагу назад! Принять атаку в штыки! Нет переправ через реку! Ложись до команды! Жди патронов!!!

Видит враг растерянность в наших рядах,—вот он мчится, близкий и страшный, цепями к цепям... Вот нахлынет, затопит в огне, сгубит в штыковой расправе...

В этот миг подскакали всадники спрыгнули с коней, вбежали в цепь...

— Товарищи! Везут патроны... Вперед, товарищи, вперед! Ур-ра!!!

И близкие узнали и крикнули дальним:

— Фрунзе в цепи! Фрунзе в цепи!

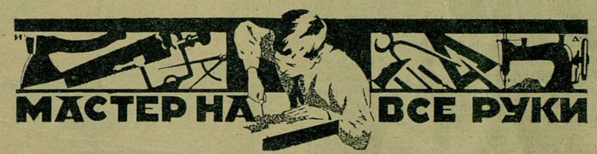
Словно током вдруг передернуло цепь. Вспыхнули восторгом бойцы, рванулись слепо, дико вперед, опрокинули, перевернули, погнали недоуменные, перепуганные колонны противника.

Иван Кутяков Фрунзе вослед послал гонцов, наказал под дулом нагана:

— Следить все время. Быть около. Живого или мертвого, но вынести из боя к переправе, на пароход!

Берегом уже гнали повозки патронов — их, ползком волоча по траве, разносили к цепям, как только полегли они за Турбаслами. И когда осмелели, окрепли наши роты—скакал возвратно к пароходу Фрунзе. Вдруг грохнуло над головой, и он вместе с конем ударился оземь: коня наповал, Фрунзе сотрясся в контузии. Живо ему на смену другого коня, с трудом посадили, долго не могли сговорить-совладать, чтоб отправить к пароходу — он, полубеспамятный, уверял, что надо остаться в строю.

Ночью искрошили офицерские батальоны и лучший у врага Каппелевский полк. Утром грозно вступали в Уфу.

Е. Опендан

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ПЕРЕПЛЕТНУЮ МАСТЕРСКУЮ.

Наши избы-читальни, клубы и библиотеки имеют слишком мало средств, чтобы переплетать купленные книги, т. к. денег едва хватает на приобретение самой необходимой литературы.

Вот тут-то звено и может помочь. Пионер-звено должно организовать переплетную мастерскую.

Прежде всего, ребята должны подумать о помещении. Удобство переплетной мастерской в том и заключается, что она не требует особого помещения. Под мастерскую можно приспосабливать на несколько часов любую комнату в клубе или даже угол.

Помещение должно быть светлым при работе днем, либо же хорошо освещаться, если работают вечером. Но необходимым условием является следующее: работа должна происходить всегда в одном и том же помещении, это тем более возможно, что все оборудование мастерской может уместиться в шкафу или на полке и в остальное время помещение может быть использовано для других занятий.

Следующее, о чем нужно подумать ребятам, это об обстановке мастерской. Нужен рабочий стол, под него может быть приспособлен любой стол, не слишком высокий для роста ребят. Необходимо иметь пару скамеек или же несколько табуреток.

Для того, чтобы хранить инструменты, материалы, необходим шкафчик или полка, которые найдутся в любом клубе или избе. Нужна еще одна полка для хранения книг, находящихся в работе. Такую полку нетрудно ребятам сколотить самим. Лучше всего такую полку сделать в форме продолговатого ящика без дна, или же просто достать ящик, если возможно, и вышибить в нем дно, причем подвесить ящик на гвоздях к стене так, чтобы дном ящика служила стена. Размеры полки зависят, конечно, от количества книг, переплетенных звеном, в среднем же приблизительно такие: 30 дюйм. длины, 16 дюйм. вышины и 12 дюйм. ширины.

Инструменты. Из инструментов нужно достать несколько ножей; почти каждый из пионеров может принести из дома старый, уже ненужный, кухонный нож. В мастерской его можно очистить от ржавчины и отточить. Нужен еще сапожный нож. Нужна и небольшая столярная пилка, ножевка. В крайнем случае можно заменить обыкновенной столярной пилой или острым ножом. Потом нужно заготовить 6 — 10 досок для перекладывания книг, когда их зажимают под прессом. Называются та-

кие доски шпальты. Размер досок 7×10 дм., толщина в 1 дм. Лучше всего брать для этого дуб, клен, ясень, сосну лишь в крайнем случае, т. к. сосновые доски слишком быстро ломаются. Доски должны быть гладко выструганы.

Сшивание книги на окне

Теперь нам нужно подготовить пресс. Пресс является одним из основных предметов оборудования переплетной мастерской; он необходим для зажимания книг при пропиливании, для обжимания книг после разборки, после сшивания и в особенности нужен для обрезки книг; поэтому звено должно приложить все усилия, чтобы добиться возможности иметь пресс и лишь в крайнем случае можно приступить к работе без него.

Пресс переплетный состоит из двух брусьев совершенно одинакового размера, каждый длиною около 28—30 дм., шириною и толщиною 5 дм. Сквозь оба бруса проходят, на расстоянии трех дм. от каждого края, два винта, вышиною до 18—20 дюймов. Винты, железные или деревянные, закреплены неподвижно в нижнем бруске. По винтам ходят гайки; завинчивая эти гайки ключом, мы зажимаем книги.

Устроить пресс очень нетрудно, если достать к нему винты. Такие винты можно найти иногда в старом хламе. Если нельзя раздобыть винты, тогда есть еще один способ: это сделать пресс без них. Для этого надо подыскать два сухих березовых обрубка, каждый не менее 28 дюймов длины и 4—5 дюймов толщины и вырезать из них брусья. Отступая на три дюйма от краев бруса, надо сделать в нем две квадратные дыры в $1\frac{1}{2}$ дюйма. Потом приготовить два тоже четырехугольных березовых бруска двухдюймовой толщины, в 25 дюймов длины, и со всех сторон снять с них по $\frac{1}{4}$ дюйма, оставив не снятыми на 2 дюйма с одного конца.

В средине брусков, отступая сверху на 7—8 дюймов, сделать долотом четырехугольную выемку в 12—15 дюймов длины и $\frac{1}{2}$ дюйма ширины.

Теперь приготовим по два клина длиной 10—12 дюймов, скошенные к одной стороне. Сила давления тисков, получаемая от равномерного вколачивания обеих пар клиньев, будет вполне достаточной для того, чтобы зажать книгу для обрезки.

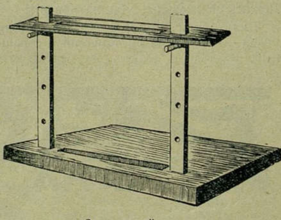
Гораздо легче обстоит дело со сшивальным станком. Стоит он на много дешевле пресса, но, кроме того, почти всегда можно заменить его самодельным. Сшивальный станок (см. рис.) состоит из нижней доски 24×12 дюймов, двух винтов, высотой до 20 дюймов, укрепленных на этой доске, на винтах ходят гайки. Завинчивая их, мы то опускаем, то подымаем верхнюю доску.

В самодельном станке винты заменяются просто двумя стойками с просверленными дырочками

Затем можно устроить сшивальный станок, если есть подходящее окно, на подоконнике, как это показано на рис.

Для обрезки книг нужен круглый нож или гобель. Его придется купить. Без него можно подрезать книги при помощи простого острого ножа и линейки. Конечно, это будет трудней и хуже, но все-таки книга будет переплетена.

Кроме перечисленных инструментов, нужна еще растрепка, она нужна для растрепывания шнурков, молоток обыкновенный для обколачивания книг, железная фальц-линейка, необходимая для обрезывания картона. Фальц-линейку можно приготовить из листового железа в 2 дюйма ширины и 12 дюймов длины. По одной длинной стороне загнуть край линейки на $\frac{1}{4}$ дюйма, это и будет служить фальцом-возвышением. Нужна еще косточка — костяной нож: ширина — $\frac{3}{4}$ дюйма, длина — 6—7 дюймов (такой нож можно заменить сделанным из гладко выструганного дерева), наугольник, ножницы для

Сшивальный станок

резки бумаги, две кисти: одна побольше — для клейстера, другая поменьше — для столярного клея и, наконец, две кастрюльки: одна — для клейстера, другая — для столярного клея. Для столярного клея нужна специальная посуда. Она должна состоять из двух котелков: одного большого, другого поменьше. Меньший наполняется клеем и помещается в большем котелке так, чтобы между ними было известное расстояние, которое и заполняется водой. Эта специальная посуда для столярного клея нужна для того, чтобы он не подгорел при нагревании.

Материал. Раньше всего необходим картон. Картон бывает нескольких сортов: белый, коричневый, серый и желтый — соломенный, тот, который мы будем употреблять на крышки для переплетов. По толщине картон бывает тоже различен, по номерам — 10, 12, 15, 20, 30, 40 и т. д. Это — указатели толщины картона. № 10 — это значит, что на пуд идет 10 листов такого картона, 20 — двадцать листов в пуде и т. д. Картон по толщине должен пригоняться к толщине книги. №№ 10—15 подходят к книгам толщиной в дюйм и больше, 20—30 — для более тонких, для небольших брошюр идет 35—45. Из одного листа картона выходит крышек на 8—10 книг среднего размера. Нам, конечно, не всегда придется рассчитывать на новый листовой картон, он для нас будет дороговат, т. к. стоит 7—8 рублей пуд. Мы часто должны будем обходиться крышками от старых переплетов; тут уже ребята должны постараться их раздобыть побольше; библиотека или изба-читальня могут помочь в этом деле. Если нам удастся их раздобыть, нужно крышки очистить от обрывков старой бумаги; корешок отделить, его тоже можно будет использовать.

Затем надо приготовить материю для корешков, не шерстяную и не льняную, лучше всего бумажную: плотный одноцветный ситец, бязь, хорошо бы молескин, но это, если позволят средства, т. к. он дороговат.

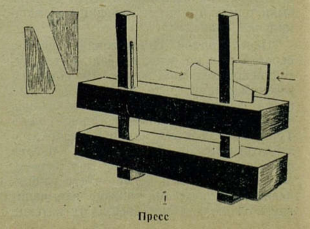
Материю на корешки нужно резать в ширину ткани, а не в длину или наискось. Из аршина материи в аршин шириной выходит до 30 корешков среднего размера. Матерчатые корешки со старых книг тоже можно пустить в оборот, только их надо отмочить в воде, очистить от старого клея и бумаги, высушить и разгладить. Нужен еще простой коленкор, который пойдет на уголки крышек для толстых книг.

Дальше, нужна бумага для форзацов, можно брать все то, что есть под рукой, — белую, писчую, альбомную, простую, — но все это лучше темных цветов, т. к. белый листок читатель очень часто вырывает для своих записей. Шпагат и нитки идут для сшивания книги. Шпагат должен быть хороший, пеньковый, из двух прядей, без утолщений, хорошо раскручивающийся. Нитки — суровые, тонкие; игла должна быть для них толстой.

Крышка может оклеиваться обложкой книги. Если же обложки утеряны, то берут альбомную бумагу или обои не маркие, не очень толстые. Можно, конечно, употреблять мраморную бумагу. Клей столярный берут лучшего сорта, прозрачный. Накануне варки плитки разбиваются на небольшие кусочки, кладутся в котелок, куда наливается вода так, чтобы она едва покрывала клей, на утро клей размокает и быстро вскипает на огне.

Клейстер. Проще всего его приготовлять из пшеничной муки. Замешивается мука с водой, прибавляют немного квасцов, чтобы клейстер не прокисал, мешают, пока не получится совсем жидкое тесто, тогда его ставят на огонь, доливают кипятком и мешают до тех пор, пока клейстер не сгустится: тогда он готов. Можно делать и из картофельной муки, но этот клейстер хуже по качеству, быстро портится.

(О том, как надо переплетать книги, мы расскажем в следующий раз)

Пресс

НАША ЖИЗНЬ

Пионеры в школе фабзавуча: урок геометрии слева—за станком.

В ОТРЯДНОЙ МАСТЕРСКОЙ

7 часов вечера. В клуб собираются ребята. Сегодня занимается столярная мастерская, но инструктора еще нет. Рассевшись по углам, ребята читают газеты, играют в шашки. Вдруг раздается голос старосты мастерской:

— Кто занимается в столярной мастерской, сюда. Инструктор пришел.

Человек десять пионеров быстро собрались у верстака. На верстаке появились рубанки, пилы и др. инструменты.

— Кто строгать будет?—спрашивает инструктор. Его перебивает сразу несколько голосов.

— Я буду...

— Дай мне...

— Я...

— Подождите... не все сразу. Ты иди строгай, а ты пилить сейчас будешь. Ну-ка, давай доску, приверни покрепче. Инструктор показал, как надо строгать и пилить, и работа закипела.

Зашуршали рубанки, зазвенели пилы, запахло смолой. Все ожило... Настроение у ребят приподнятое. Инструктор смотрит за работой, лицо у него тоже радостное. Приятно смотреть, когда ребята с жаром берутся за работу. Вот подошел к парнишке, строгающему фуганком:

— Ты не гни вперед фуганок-то.. На ручку сильней нажимай.. Вот так... Дотрагивай до конца, чтобы стружка не застревала. Понял?

— Понял.—И парень снова с жаром принялся строгать доску.

— Пилу прямее... Видишь, как она у тебя в сторону сходит. Смотри, как у меня, и ты так же. Ну, пошло?

— У меня рубанок что-то строгать перестал — железка далеко ушла.

— Сейчас направлю.

Стараются ребята, парятся, что называется, во-всю.

— Я раньше думала, строгать очень легко, а на деле оказалось — не очень-то легко, говорит пионерка.

— А у меня пила что-то все в бок сходит, никак притрафиться не могу.

Услышав у нас шум, из рабочего клуба пришли взрослые рабочие и с удивлением смотрят на нас.

— Ба, и девчонки тоже стараются.

— А что же, разве мы не можем?

—Молодцы, ребята, валяйте.

В ответ на это еще старательней зашуршали рубанки.

Девять часов. Работа в мастерской заканчивается. Живо убираются инструменты, начинается уборка.

Коля Кудряшев.

99-й отряд Кр. Пресни.

В ШКОЛЕ

Об учебе пионеров, в нашей Ленинградской школе можно сказать только то, что ребята почти совсем не учатся. Это—не выполнение нашего закона (не говоря уже об обычаях). Четвертый и пятый закон совсем не выполняется. «Пионер организует окружающих детей и участвует с ними во всей окружающей жизни, и пионер - всем ребятам пример». Пятый закон: «Пионер стремится к знанию. — Знание и учение — сила в борьбе за рабочее дело».

В чем выражается невыполнение этих законов? Во время перемен можно наблюдать такую сцену.

— Ванька! Идем к малышам.

— Зачем?

— Ножки подставлять, там и учительницы нет. Идем, будить хочется,—как бы оправдывается перед стоящими ребятами парень.

А между тем эти два школьника—пионеры; вместо того, чтобы организовать ребят, в перемену почитать им или поиграть с ними в пионерские игры, они идут ножки подставлять.

Выйдя из школы то же самое: ребята идут драться (ведь за перемену успели поссориться), и, вволю подравшись, идут домой.

Теперь о самой учобе. Прогулы—вот страшный бич пионеров: придя в школу, один из ребят потихоньку говорит нашим пионерам: «Завтра приезжает австрийская делегация, и завтра проверочная работа, а я не подготовился и потому не приду. Тут сразу слышатся крики: «И я! И я!»

На другой день пришла только половина класса, другая половина пошла встречать «Австрийскую делегацию» у себя дома.

Это случается довольно часто, а пионер, ведь, должен быть примером.

Ребята, напишите сами, как бороться с прогулами и поднять учобу пионеров.

Пионер **Езерский.**

Ленинград.

Проверка работы мастером

НАША ЖИЗНЬ И РАБОТА

Почитаешь журнал «П онер» и отдел «Наша Жизнь» где в заметках описывается жизнь других отрядов и сравнишь свой отряд с другими. Рассудишь и посмотришь со всех сторон на свой отряд—видишь отряд живет неправильно, кругом в недостатках.

Наш отряд организовался год тому назад. За это существование отряда переменилось четыре вожатых, и вот их работа: один собирал, другой добирал, а третий разогнал и стал собирать. Вот приведу несколько примеров о третьем вожатом. Как только принял дела, сразу сделал чистку отряда—из 40 человек пионеров, оставил 14 человек и этих, прямо нужно сказать, взял в ежовые рукавицы. Увидит, где—пионер бузит, подходит, снимает галстук без совета отряда. Наши станичные ребята думают так, что если уж вожатый взял галстук, значит провинившимся уже не может считать себя пионером. Вожатый не руководил отрядом, а прямо командовал. Был такой случай: вожатый говорит помощнику:

— Ты, Шурка, проведи сегодня отрядный сбор.

Помощник еще мало был знаком с этой работой и спрашивает:

— А что я с ними буду делать, ты, Павлик, расскажи.

А он опять: — Я сказал проведи, значит, проведи, а я пойду гулять.

Вот как вожатый работал. Насилу этого вожатого ячейка взяла и дала другого. Стал вожатым помощник, и тут ребята обрадовались, что взяли его. Принял дела четвертый вожатый и тут работа стала подвигаться вперед, несмотря на то, что была рабочая пора в степи.

Как только стали ученики ходить в школу, в отряде работа стала. Стала она вот почему: нас попросили из клуба и мы все сняли и сложили и до сих пор еще ничего не вешали, потому что клуба нет. Толчемся в одной комнате семьдесят человек—пионеры да комсомольцы. Комсомольцы курят, ругаются подчас, а пионеры все слушают.

Первый, самый главный недостаток наш—это нет шефа. Ячейка для нас не старается, и мы, пионеры, являемся для комсомольцев, как мебель. Какие постановления есть, то только на бумаге, а на деле нет ничего пионерам. А в отряде пионеров 50 человек, и никакой воспитательной работы нет, и какая же может быть работа, ежели отряду не помогает ячейка. Проводим звеновые занятия и отрядные сборы и то нерегулярно. Вот в чем заключается наша работа. Наши пионеры просят городских, чтобы те помогли нам в работе как с материальной, так и с культурной стороны. Наши станичные ребята заинтересованы в пионерработе и мы еще раз просим нас поддержать.

И. Сафонов

Ст. Елизаветинская, Куб. округа.

ПИОНЕР ДОМА

Придя из школы, пионер начинает дома кричать на всех, что, дескать, обед не поспел, а мне нужно в отряд спешить, готовиться к кампании МОПР'а.

Кружатся возле него братишки, сестрички, чуть поменьше его, распрашивают его. Но не тут-то было, брат вспомнил, что он активный пионер и ему возиться с малышами неохота, и они еще малы все знать.

Мать тоже спрашивает: «Что такое «МОПР»? Сын молчит, и только после долгого молчанья роняет: «некогда, после».

А между тем ему и спешить-то некуда, а спешит он оттого, что в отряде соберутся такие ребята, с которыми можно будет побузить.

Когда мать просит сделать что-нибудь по хозяйству, то слышит недовольное ворчание: «ведь сказал я—некогда, так нечего лезть».

Матери это не нравится, и когда соседка хочет отдать сына в пионеры, то мать пионера не советует: «Был хороший сын, дельный, работал, а теперь все ему некогда, мол, в отряд нужно, кампанию какую-то Мопровскую проводить, лучше не отдавай». И сын остается, благодаря тому, что пионер создает сам препятствия к его поступлению. Описанный случай нас многому учит, и мы должны проводить в отряде побольше бесед о работе в семье и о том, чтоб пионеры не зазнавались.

Пионер Езерский

Ленинград.

Сдача выполненной работы

НУЖЕН ЛИ НАМ ПСЕВДОНИМ?

(Отклик на заметку в № 2 «Пионера»).

Ребята, я хоть и не пионерский корреспондент, но у себя в отряде числюсь пикором. В журнал «Пионер» только начинаю писать. Но я целиком присоединяюсь к деткорам Э. Дворкину и М. Флейшеру.

Верно, ребята что-то боятся писать свою настоящую фамилию, другие же стыдятся, что их заметку будут читать знакомые лица и разболтают всем, «что, вот, про наш отряд написал заметку Соколов» (беру к примеру). И из-за этого он будет стыдиться, но пионер должен гордиться, что написал заметку в журнал и высказал правду. Вот как должен говорить деткор.

Я целиком и полностью присоединяюсь к деткорам Дворкину и Флейшеру.

Озеров Андрей

Гор. Вологда.

КАК НЕ НАДО ШЕФСТВОВАТЬ

Среди пионер-работы я думаю, что не надо забывать и о шефстве. На это ребята мало обращают внимания. Я знаю на примере одного отряда, как он проводил шефскую работу. Выделили комиссию. Комиссия начала часто посещать отряд и там... ругаться с вожатым, посылать чуть ли не циркуляры.

Председатель шефской комиссии переписал песню и на обороте написал: «выучить к такому-то числу. Пред. шеф. ком. (подпись)».

Ясно, что этот подход неправильный.

Часто ячейка в плане работы отряда юных пионеров упускает о работе шефкомиссий. И ребята вместо бесед, литературы и т. д. преподносят подшефному отряду: «Выучить к такому-то числу и т. п.»

На шефскую работу отрядов надо обратить серьезное внимание.

Ст. Льгов. **Борис Якубовский**

НУЖНО ОБСУДИТЬ

У нас в отряде им. Калинина гор. Рязани имеется 3 звена, в которых находятся по 12 человек в каждом, из них есть пионеры, достигшие 15-летнего возраста, а также есть и пионеры 10—11 лет.

А поэтому в звеньях наблюдается такое явление: когда пионер старшего возраста делает какой-либо доклад на звеньевом собрании, то пионеры 10—11 лет плохо понимают данный доклад, в то время как старшим ребятам этот доклад ясен и понятен. Это явление дает тормоз звеньевой работе, так же происходит это и на отрядном сборе.

И. Осин

Г. Рязань.

Вопрос

8. Могут ли среди отрядов происходить конкурсы на лучший отряд, не получится ли здесь скаутской замашки?

Пионерка **Никифорова.**
Г. Моршанск., Тамб. г.

Ответ

8. Специальные конкурсы в пионерской организации не устраиваются, это делают скауты. Сознательные пионеры стараются постоянно улучшать работу отряда, вне зависимости от конкурсов или от призов.

Вопрос

9. Нужны ли пионерам альбомы?

М. Морозова.

Ответ

9. Конечно, пионерам не стоит заводить альбомы, как заводили раньше гимназистки только для себя. В тех альбомах писались стишки, пожелания, никому ненужные. У пионеров в звеньях должны быть дневники коллективной работы, а отряд может иметь свой альбом, куда помещать фотографии своей жизни, заметку, помещенную об отряде в центральном журнале или газете и т. п.

Вопрос

10. Можно ли пионерам играть в бабки?

В. Прядильщиков.
Г. Визинга, Обл. Коми (Зырян).

Ответ

10. Можно играть и в бабки, только не на деньги.

Вопрос

11. Является ли «Пионерская Правда» всесоюзным органом пионеров, и если нет, то скоро ли будет всесоюзная пионерская газета?

Борис Якубовский.
Ст. Льгов, Донск. ж. д.

Ответ

11. «Пионерская Правда»—газета московская. Всесоюзная газета пионеров предполагается к изданию в недалеком будущем.

Вопрос

12. Что делать с тем пионером, который не выполняет заветы и законы?

Ответ

12. Если не выполняет и не хочет выполнять—исключить.

Вопрос

13. Может ли вожатый бить пионера?

Г. Баку. **А. Казаков.**

Ответ

13. Пионеры не дерутся между собой, а вожатый тем более не может заниматься рукоприкладством. Если есть где-нибудь такие явления, их нужно жестоко искоренять.

Вопрос

14. Можно ли пионеру в возрасте 14—15 лет читать Джека Лондона?

Ответ

14. Джека Лондона читать можно. Его лучшие произведения: «Белый клык», «Зов предков», «Белое безмолвие», «Железная пята», «Страшные Соломоновы острова», «Сын солнца» и другие.

Вопрос

15. Поступившие в отряд пионеры через несколько месяцев могут дать торжественное обещание?

Митякова Надежда.
(С. Кладище, Нижегородск. у.).

Ответ

15. Это измеряется не временем, а подготовленностью ребят. Если они быстро усвоили законы, обычаи и работу пионеров, если видно, что они достойны звания пионеров, то в любое время они могут дать и торжественное обещание.

Вопрос

16. Можно ли пионеру курить, если у него болят зубы?

Ответ

16. Мнение, что от курения перестают болеть зубы, совершенно неверно. Табак дурманит голову и поэтому кажется, будто зубная боль затихает. Табаком не вылечишь зубов. Надо итти к зубному врачу, а курить,—вещь бесполезная.

Вопрос

17. Имеет ли пионер право голоса на комсомольском собрании, а комсомолец на пионерском?

Н. Фрадкин.
Синезерки, Брян. г.

Ответ

17. Пионер может быть на открытом комсомольском собрании и иметь право совещательного голоса. Право решающего голоса ни комсомольцы в отряде, ни пионеры в ячейке не имеют.

ВСЕМ РЕБЯТАМ

На многие из присланных вопросов редакция не отвечает. Эти вопросы или очень личные, интересные не всем, или такие, на которые редакция уже отвечала; а больше всего таких вопросов, на которые везде можно найти ответ: в заметке пионера, в журнале «Пионер», в местном бюро юных пионеров.

ОТГАДАЙ?

№ 12. Задача букв.

Даны 7 слов: 1) Домашнее животное. 2) и, 3) Числа, 4) Насекомое, 5) Нота. 6) Столетие, 7) Огнестрельные орудия.

Отгадав задуманные слова, нужно к окончанию их прибавить по букве так, чтобы получить вторые слова; 1) Хищный зверь 2) Птица 3) Мебель, 4) Инструмент кузнеца, 5) Река СССР. 6) Часть лица и 7) Русский писатель.

При чтении конечных букв сверху вниз должна получиться фамилия пролетарского вождя.

№ 13. Задача «ХОД КОНЯ»

(Пименова А.)

Ходом коня прочитать лозунг.

ан	аб	пи	ла	ои
он	сс	зн	ур	жн
оч	ня	ыд	тв	ок
а	ре	ег	ну	ел

№ 14. Шарада

(А. Сюзева)

При битве я угроза
В былые времена,
А коль заменишь одну букву
Я детская игра.

№ 15. Шарада

(Ицелева и Шпекторова)

Слог первый часто замечаем,
Когда мы ноты изучаем;
А дикой птицей можно сделать
Второй слог, если переделать
В нем букву, заменив другою—
(Из слога первого—второю)
Задуманное нами слово
Теперь для всех уже не ново;
Оно уже знакомо всем давно,
Советскому Союзу враг—оно.

№ 16. Логогриф

(З. Афанасьева)

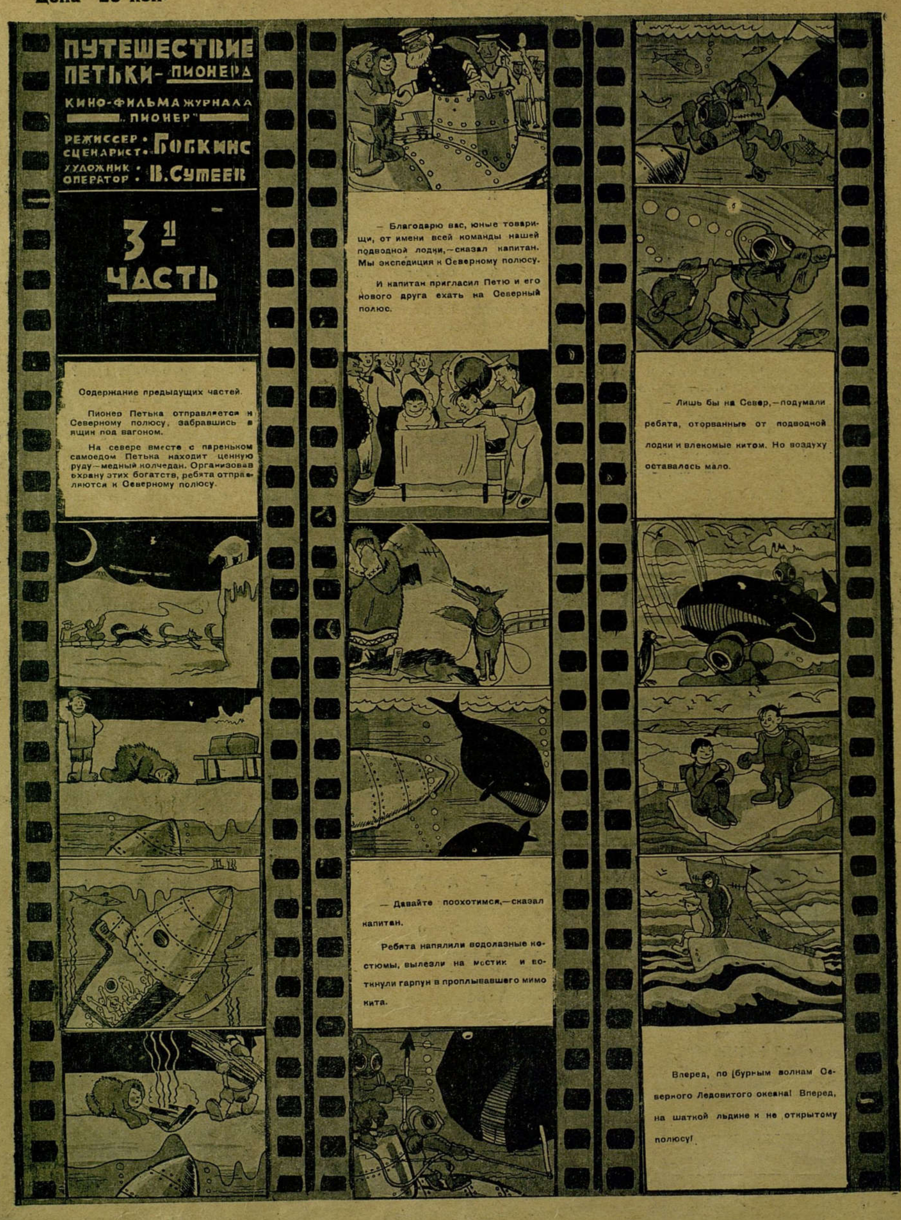
С «Б» деревянный есть сосуд
С «К», где муравьи живут,
С «Т» в конце у предложенья,
С «П» весною у растенья.

ОТВЕТЫ

Айзикову Б., Андрееву Л., Буракову А., Вишнякову П., Волкову Л., Гельман, Казакову П., Казину М., Кеглишвили, Кузнецову Н., Леохину Д., Луковцеву А., Лещинской Е., Макарову С., Маркир М., Милееву, Миронову Р., Пахомову Н., Перцеву А., Репину Н., Сецинскому В., Сиванову Арк., Сикулер И., Смирнову В., Смирнову К., Соркиной А., Уланову С., Шапиро В., Шарову А.

Присланное не подошло: или очень слабо составлено, или не подходит по теме, или же уже было помещено раньше. Присылайте еще

Цена 20 коп.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТЬКИ-ПИОНЕРА
КИНО-ФИЛЬМА ЖУРНАЛА „ПИОНЕР"
РЕЖИССЕР · СЦЕНАРИСТ · БОБКИНС
ХУДОЖНИК · ОПЕРАТОР · В. СУТЕЕВ
3-я ЧАСТЬ
Содержание предыдущих частей.
Пионер Петька отправляется к Северному полюсу, забравшись в ящик под вагоном.
На севере вместе с пареньком самоедом Петька находит ценную руду — медный колчедан. Организовав охрану этих богатств, ребята отправляются к Северному полюсу.
— Благодарю вас, юные товарищи, от имени всей команды нашей подводной лодки, — сказал капитан. Мы экспедиция к Северному полюсу.
И капитан пригласил Петю и его нового друга ехать на Северный полюс.
— Давайте поохотимся, — сказал капитан.
Ребята напялили водолазные костюмы, вылезли на мостик и воткнули гарпун в проплывавшего мимо кита.
— Лишь бы на Север, — подумали ребята, оторванные от подводной лодки и влекомые китом. Но воздуху оставалось мало.
Вперед, по бурным волнам Северного Ледовитого океана! Вперед, на шаткой льдине к не открытому полюсу!